

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДЬЯВОЛ
КРОЕТСЯ
В МЕЛОЧАХ

*Зачастую счастье
приходит в твою
жизнь тогда,
когда надежды на него
почти не осталось!*

Желание женщины

Людмила Мартова

Дьявол кроется в мелочах

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Дьявол кроется в мелочах / Л. Мартова — «Эксмо»,
2019 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-105389-5

Соня Менделеева подозревала, что в соседской квартире творится неладное. Иначе почему пожилого отца и его не вполне здорового сына так давно не видно? Соня не зря беспокоилась: оказалось, что соседей нет в живых, правда, причины смерти вполне естественные. Но почему тогда в их совершенно обычной квартире двойные сейфовые двери? Что за сокровище она скрывает? По найденному дневнику Соня поняла, что это прижизненное издание стихов знаменитого английского поэта Уильяма Блейка. Но как редчайший раритет попал к соседям и где теперь его искать? Соня не знала, что вместе с ответами на эти вопросы она найдет и главного мужчину в своей жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105389-5

© Мартова Л., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Людмила Мартова

Дьявол кроется в мелочах

© Мартова Л., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Я слышу зов, неслышимый вам,
Гласящий: – В путь иди! –
Я вижу перст, невидный вам,
Горящий впереди.*

У. Блейк

Глава первая

Дети гордятся успешными родителями. По крайней мере, успешным родителям нравится так думать. Что при этом думают сами дети, по большому счету, никого не интересует. А зря. Потому что если в детстве ты действительно гордишься известностью своих мамы и папы, то в юности к этому чувству начинает примешиваться легкий страх, а будешь ли ты их достоин. Наступает такой возраст, когда очень важно быть кем-то самому, а не просто сыном или дочерью «Марьи Петровны» или «Ивана Ивановича».

По крайней мере, двадцатиднолетняя Настя Пальникова о своей самоидентичности думала достаточно часто. Будущим летом она заканчивала бакалавриат юридического факультета, где все четыре года училась исключительно на пятерки, славилась общественными нагрузками, которые взваливала на себя добровольно и несла с честью, имела за плечами юношеский разряд по фигурным конькам, подрабатывала младшим помощником у известного адвоката Аркадия Ветлицкого, а в выходные охотно становилась волонтером приюта для собак.

И даже самой себе Настя редко признавалась в том, что вся ее активность вызвана только одним – утвердиться в жизни умной, работоспособной и упорной Настей Пальниковой, а не просто дочерью известной журналистки Инессы Перцевой.

Мама в их городе была настоящей звездой. Ее все знали, и она всех знала. Ее фамилия отпирала любые двери, и в детстве Настя постоянно слышала за спиной шепоток: «Смотри, смотри, это дочка Перцевой».

Мамой она гордилась, но характеристика «дочка Перцевой» с годами начала раздражать неимоверно. К счастью, мама не просто работала под псевдонимом, но и в обычной жизни имела с Настей разные фамилии. Настя была Пальниковой по отцу, с которым мама развелась, когда она была еще совсем крохой. А мама в паспорте была записана под фамилией второго мужа – Полянская. И за последние годы их мало кто идентифицировал как дочь и мать, по крайней мере, Настя сделала для этого все от нее зависящее, а потому сейчас жила наконец в относительной гармонии с собой.

Даже Ветлицкий не знал, что она – «дочка Перцевой», и Настю это вполне устраивало. На работу ее взяли благодаря способностям и держали благодаря исключительно деловым качествам. Аркадий слыл мужиком крутым и к сантиментам не склонным, а потому никакая протекция бы не помогла, будь Настя глупой, ленивой или излишне непокорной. Но она не была.

Сейчас девушка спешила на курсы английского языка, которые начала посещать еще в прошлом году в гонке за собственным совершенством. Мама никаким иностранным языком не владела, а потому к французскому, который она учила в школе и в институте, Настя добавила английский, собираясь в этом году сдать экзамен IELTS.

Занималась она на самых лучших в городе курсах, попасть на которые было не так-то и просто. Стоили они тоже целое состояние, но Настя платила за второй год обучения сама, благо Ветлицкий платил ей неплохо. И отец, и отчим предлагали Насте не маяться дурью и взять у них деньги на оплату занятий, благо оба не бедствовали, а зарплату тратить по собственному разумению на девчачьи безделушки, но Настя была непреклонна. По своему разумению, она считала необходимым самой платить за образование, вот и платила.

Она знала, что мама посмеивается втихомолку, потому что упорством в достижении целей и непреклонностью собственного мнения дочка была вся в нее, но Настя с этим и не спорила. У нее была замечательная мама, и никакая война между ними не бушевала, так, легкое соревнование, причем только с Настиной стороны.

На курсах ей нравилось. Во-первых, язык преподавала совершенно замечательная учительница, общаться с которой было просто удовольствием, а, во-вторых, на занятиях Настя

неожиданно сдружилась с несколькими людьми, ранее в ее орбиту не попадавшими, и эта новая дружба оказалась крепкой и интересной.

Особенно сблизилась Настя с Аглаей Молчанской, дочкой известного в их городе предпринимателя – первопроходца в IT-сфере, которого, как и Настину мать, знал и уважал весь город. Впрочем, в отличие от Насти, Глашу известность отца ни капельки не тяготила. Глаша Молчанского обожала.

С полгода назад, правда, выяснилось, что Глашку выносила и родила суррогатная мать, и это открытие девушка пережила очень болезненно, ушла из дома, с отцом не разговаривала, плакала у подруги на плече.

Настя ее успокаивала, как могла, а потом случилась трагедия, в результате которой у Павла Молчанского погибла жена¹, и общее горе сблизило отца и дочь, чему Настя была очень рада. Павла она уважала, а к Глашке относилась как к младшей сестре, которой у нее никогда не было.

Отец Аглаи собирался жениться снова, к его подруге девушка относилась хорошо, но жить осталась отдельно, благо квартира у нее была своя. Настя, все еще живущая с мамой, этому обстоятельству немного завидовала, но о переезде в собственное жилье дома не заговаривала. Отец и отчим покупать ей квартиру не предлагали, а просить ей казалось зазорным. Машину подарили на восемнадцать лет – и спасибо. А квартиру она сама купит. Вот окончит институт, выйдет на работу на полный день, возьмет ипотеку и купит. А пока ей и с мамой нормально живет. Та, несмотря на всю свою занятость, кулинарка знатная и хозяйка отличная, есть чему поучиться, да и отвлекаться на хозяйственные хлопоты не нужно. Оно и славно.

На этих привычных мыслях Настя подъехала к зданию университета, в котором ходила на курсы английского языка, припарковала машину и выпорхнула на улицу, запахивая легкий пуховичок.

Весна в этом году была ранняя. Несмотря на начало марта, капало уже вовсю, снег на газонах съезжился в тоске от неминуемой гибели. Был он серый, грязный, побитый жизнью и посеченный дождем, унылый и сдавшийся. При взгляде на этот снег, ноздреватый, как плохая кожа у не следящего за собой человека, Настя испытывала легкую брезгливость. Она не уважала тех, кто не следит за собой. И тех, кто легко сдается. Ее мама, к примеру, никогда не сдавалась. И Глашкин отец – тоже.

Она посмотрела на часы – без четверти пять. До начала занятий еще пятнадцать минут. Подождать Глашку на воздухе или зайти внутрь?

Воздух был холодный, но уже весенний. В нем висел тот непередаваемый аромат приближающейся весны, который невозможно спутать ни с чем. Пахло каплей, надеждами, счастьем и еще немножко мечтой.

Настя, как человек серьезный, всем говорила, что мечтает о хорошей карьере. Она собиралась стать адвокатом и была готова много и трудно работать для достижения своей заветной цели. Но на самом деле, глубоко в душе, она мечтала о любви. Настоящей, крепкой, со счастливым концом. Она никому-никому об этом не говорила, чтобы не прослыть романтической дурочкой. Но ведь всем известно, что начало весны – время, когда просыпаются в глубокой берлоге не только медведи, но и запрятанные в недрах души мечты. Вот они и проснулись в отведенное природой время, и висели в воздухе, щекотали нос, дразня и насмехаясь.

С любовью Насте не везло. Точнее, любви не везло с Настей. При очень симпатичной внешности – огромных глазах, роскошных волосах, длинных ногах, тонкой талии и большой груди – она, разумеется, нравилась молодым людям. От поклонников у нее отбоя не было, вот только Насте было с ними скучно. С ней знакомились либо маменькины сынки, не способные самостоятельно не то чтобы женщину завоевать, а даже носки себе купить, либо стареющие

¹ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Бизнес-план счастья» – Прим. ред.

бонвиваны, молодцевато втягивающие живот, приглашая на свидание, втайне от жены, разумеется.

С первыми Настя испытывала скуку, со вторыми – безгливость. Она точно знала, каким требованиям должен соответствовать ее принц на белом коне – не пацан, но и не старый, лет тридцати, пожалуй. Холостой, умный, амбициозный, относящийся со страстью к тому, что делает.

Страстность натуры Настя в людях ценила особо, наверное, потому, что мама ее была человеком глубоких страстей, и после водоворота чувств и событий, в эпицентре которых всегда находилась мама, трудно было довольствоваться серыми, пресными, обыденными буднями, которые, как карты, отчего-то сдавала жизнь, видимо, плохо тасующая колоду. Даже в Глашкиной жизни страстей было гораздо больше. И Настя, сама не желая в этом признаться, немного завидовала подруге.

Мимо прошел профессор английской литературы Николай Модестович Ровенский, и запах воздуха изменился, вместо весенней оттепели он пах теперь дорогим мужским одеколоном и трубочным табаком. Николай Модестович был в их городе тоже местной знаменитостью. По крайней мере, не учившаяся на инязе Настя была о нем наслышана. Известный шекспировед, он был ученым с мировым именем, читал лекции в Лондонском университете, много печатался в западных научных журналах и лишь в последние годы, будучи человеком уже немолодым, осел на родной кафедре.

Настина учительница английского, та самая, из-за которой на занятия хотелось идти как на праздник, была бывшей аспиранткой Ровенского и относилась к нему с глубоким почтением. Он молодую женщину тоже явно выделял среди всех остальных, по крайней мере, неделю назад ей даже удалось уговорить Ровенского прочесть слушателям ее курса лекцию по творчеству Шекспира, на английском, разумеется.

Настя поняла не все, но слушала, затаив дыхание, скорее даже не от интереса к теме, а попав под мощную харизму старого профессора. Его мягкий баритон обволакивал, заполняя все пространство аудитории, в нем отчего-то слышался морской прибой, то мягко набегающий на линию песка, то с воем разбивающийся о прибрежные камни.

Интересный, в общем, был дядька, хотя Глашке он не понравился. Несмотря на то что она была младше Насти на три года, язык знала гораздо лучше, поскольку учила его с раннего детства. Видимо, именно знание языка позволило Глашке уловить тончайшие нюансы, недоступные Настиному пониманию, потому что она заявила, что лекция была крайне поверхностной.

Настя удивилась, но спорить не стала, потому что никогда не отстаивала точку зрения, не будучи уверенной в своих аргументах.

– Здравствуйте, Николай Модестович, – сейчас она поздоровалась, потому что привыкла при любых обстоятельствах быть вежливой.

Одетый в дорожную, видно, что очень качественную, куртку, профессор замедлил шаг, а затем вовсе остановился, вглядываясь Насте в лицо.

– Добрый вечер, юная леди. Вы с какого курса? Я вас не помню.

– Я не студентка, – засмеялась Настя. – Точнее, студентка, но не ваша. Я в Юридической академии учусь, а сюда хожу на курсы английского, к Софье Михайловне.

– А-а-а, к Сонечке. – Добродушное лицо профессора осветила улыбка, которая ему очень шла. – Это вам повезло, юная леди. Сонечка – прекрасный педагог, одна из лучших моих учениц, да-с.

Он кашлянул и скрылся за дверью здания.

Настя начала замерзать и собиралась уже последовать его примеру, как увидела спешащую к ней Глашу. Та махала рукой, привлекая внимание подруги:

– Приве-е-е-ет!

– Привет, – Настя радостно улыбнулась, потому что действительно была рада видеть Аглаю. У той было какое-то удивительное свойство расцветивать жизнь вокруг себя и заставлять людей улыбаться. – Ты чего опаздываешь?

– Ничего я не опаздываю, еще без семи минут, все успеем, – сообщила Глашка. – А ты чего, с Ровенским любезничала?

– Да просто поздоровалась, а он спросил, с какого я курса.

– Фу, какой он все-таки неприятный. – Глашка смешно сморщила нос и стала вдруг похожа на капризничающего ребенка. – И бабник наверняка.

– Ну, что ты выдумываешь, Глаш, – рассмеялась Настя. – Ему же в обед сто лет, как он может быть бабником? И он не противный, а очень даже приятный. И умный. С ним наверняка очень интересно было бы поговорить. Ты представляешь, сколько он знает? Он же в Англии жил.

– Ну и что, – Аглая Молчанская умела быть ужасно упрямой, – мало ли, кто где жил. Все равно он старый противный козел. Обещай мне, что будешь держаться от него подальше.

– Да, конечно, буду. Что ты распахивалась-то? Мы с ним поговорили в первый и в последний раз в жизни, честное слово. Где он и где я. Все, пошли, Софья не любит, когда мы опаздываем.

Девушки зашли внутрь, и тяжелая университетская дверь захлопнулась за их спинами.

* * *

Соня злилась. Сердита она была с самого утра, потому что сегодняшнее утро не пахло кофе. Кофе был обязательным атрибутом ее жизни. Соня могла пить его в любое время дня и ночи, причем в самых неожиданных комбинациях, но по утрам кофе был жизненно необходим, и брат, подаривший ей кофеварку, утверждал, что делает это в медицинских целях, потому что для Сони с ее вечно низким давлением хороший кофе – это не блажь взбесившегося гурмана, а лекарство. Не удовольствие, а необходимость.

Конечно, хороший кофе был все-таки удовольствием, причем не дешевым. Но Соня старалась экономить на новых сапогах (в старых вполне можно проходить еще год), платьях, поездках к морю, да на чем угодно, только не на кофе. К счастью, брат, купивший кофемашину, подбрасывал и капсулы к ней. Так что запас в кухонном шкафчике не иссякал, вот только сегодня он оказался бесполезным, потому что кофемашина сломалась.

Сначала Соня отказывалась поверить в неизбежное и все тыкала пальчиком в кнопки в надежде услышать знакомое жужжание, но машинка лишь щелкала чем-то внутри, а потом и вовсе замолчала. Сдалась. Соня позвонила брату.

– Денька, – жалобно сказала она, – у меня кофемашина сломалась. Совсем.

Брат масштаб проблемы оценил с ходу. У нее вообще был замечательный брат, все понимающий.

– Я сегодня в вечернюю смену, – деловито сказал он. – По дороге на работу заеду, посмотрю. Если что, заберу в ремонт, а тебе пока свою оставляю.

Нет, не брат у нее, а просто золото.

– Спасибо, – сказала Соня с искренней признательностью в голосе. – А то у меня, как назло, никаких запасов кофе. Молотый ты на Новый год использовал, а я так в запас и не купила, потому что привыкла капсулами пользоваться, а растворимый и вовсе в доме не держу. Гадость такую. Как теперь день прожить, вообще не представляю. Я ж без чашки кофе утром не человек.

– Заскочи в кофейню какую-нибудь по дороге. – Денис всегда был человеком действия, пустого сочувствия не признавал. – Либо посиди в красивом интерьере, посмакуй любимый напиток, не спеша, пирожным себя побалууй, либо возьми кофе с собой. В машине выпьешь.

Машина – маленькая, юркая «Мицубиси Кольт» – была второй Сониной слабостью и роскошью, которую она смогла себе позволить на преподавательскую зарплату. Ездить за рулем Соня обожала, а вот ходить пешком, наоборот, терпеть не могла. Ей было то морозно, то ветрено, то дождливо, то пыльно, то жарко. Поэтому даже в магазин за два квартала Соня ездила на машине, над чем Денис всегда безобидно, но все-таки подтрунивал.

В кофейню она уже не успевала. В сегодняшнем расписании лекция у нее стояла первой парой, круглосуточно в городе работала только одна кофейня, как на грех, располагающаяся совсем не по пути в университет, да и с кофемашиной она провозилась непозволительно долго. Нет, придется начинать день без кофе.

Наскоро собравшись, она выскочила в подъезд, вставила ключ в замочную скважину, запирая дверь, повела носом, принюхиваясь, и нахмурилась.

Нет, утро совершенно точно пахло не кофе. Запах, отвратительный, смердящий, тошнотворный, струился из-за соседской двери напротив. Там жили два одиноких мужчины – отец и сын, и Соню начинало беспокоить то обстоятельство, что последний раз она видела их в апреле прошлого года, не позже.

Соседи куда-то пропали. Их почтовый ящик ломился от неоплаченных счетов, на общем собрании представители управляющей компании жаловались на долги по квартплате, недавно приходили представители психоневрологического интерната, в котором на учете состоял младший сосед, а из квартиры отвратительно воняло.

Впервые обладающая тонким обонянием Соня учуяла запах еще летом и сразу же вызвала участкового. Тот пришел, постоял у запертой двери, понажимал в дверной звонок и ушел восвояси, сообщив, что никакого запаха не чувствует, а соседи могли просто уехать к родственникам или знакомым.

Шло время, вонь усиливалась, и Соня еще три раза вызывала участкового с требованием вскрыть и проверить квартиру, но каждый раз получала отказ.

– Не имею я на это никакого процессуального права, – объяснил ей участковый. – А пахнет... Так они, наверное, холодильник перед отъездом отключили, и там продукты испортились, вот и пахнет.

Объяснение не тянуло даже на тройку, это Соня, как преподаватель со стажем, понимала совершенно четко, вот только что делать с «нехорошей квартирой», не знала. Посоветоваться бы с кем.

Сбегая по лестнице и садясь в машину, она вдруг четко поняла, с кем именно. У одной из слушательниц ее курсов мама работала журналисткой и специализировалась именно на криминальных историях. В том, что речь идет именно о криминале, Соня не сомневалась, значит, надо будет сегодня поговорить с Настей, попросить телефон ее мамы, журналистки Инессы Перцевой, и позвонить.

От того, что она придумала конкретный план действий, у Сони даже настроение улучшилось, вот только кофе хотелось ужасно, но что поделать, если кофе нет. Она завела машину и уже собралась было отъехать от края тротуара, когда пассажирская дверца открылась, и в нее заглянула лохматая голова с вечно улыбающимися глазами – Арсений, детский приятель ее брата, живущий в соседнем подъезде.

– Сонька, привет, подвезешь?

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно плюхнулся на пассажирское сиденье, и Соня едва заметно поморщилась. Не любила она бесцеремонности.

– Тебе куда? – спросила она. – А то я на лекцию опаздываю, если не по дороге, то не подвезу, извини.

– Да мне сегодня с утра в Пенсионный надо, лифты там моя богадельня обслуживает, вот с утра наряд взял. Ты меня до универа подвези, а там я уж добегу, напрягать тебя не буду.

Такой расклад Соню если и не устраивал, то точно не напрягал.

– Ты в фирме по обслуживанию лифтов теперь работаешь? – спросила она.

Ей было не интересно, но хотелось проявить вежливость. Все-таки Денискин друг детства.

– Ну да. Надо же где-то на хлеб зарабатывать. Хватает, конечно, только на голый и иногда черствый, но лучше, чем ничего. Не все же выбиваются в местные знаменитости, как Денька.

К тому, что ее брат знаменитость, Соня до конца так и не привыкла, хотя последние лет пять он считался самым лучшим в их городе шеф-поваром. В возрасте двадцати восьми лет Денис Менделеев выиграл конкурс молодых шеф-поваров «Серебряный треугольник», который ежегодно проводится в рамках Московского гастрономического фестиваля. Затем занял первое место на Открытом чемпионате России по поварскому искусству.

В прошлом году взял Международный Кремлевский кулинарный кубок и теперь на полном серьезе готовился принять участие в «Золотом Бокюзе» – международном конкурсе шеф-поваров, таком же желанном для кулинаров, как «Оскар» для киноиндустрии. В январе этого года прошел очередной «Золотой Бокюз», и Денис на полном серьезе утверждал, что будет готов побороться за вожденную статуэтку через два года, на следующих гастрономических соревнованиях экстра-класса.

Российские повара участвовали в «Золотом Бокюзе» с 2003 года, и ни одному из них не удавалось получить приз конкурса, но Дениса это не смущало. В своих силах он был уверен. Или, как подозревала Соня, самоуверен. Впрочем, брату она о своих сомнениях не говорила, не хотела подрезать крылья. Да и знала, что упорства ему не занимать. К любой поставленной цели ее братишка шел напролом, не боясь никаких преград.

Сейчас он работал шеф-поваром модного и действительно хорошего ресторана «Буррата», в котором почти никогда не было свободных столиков, а заодно присматривал за меню и обучением поваров в остальных заведениях, принадлежавших владельцу «Бурраты» Феодосию Лаврецкому.

О Феодосии Соня была наслышана, хотя лично и не знакома. Про него в городе говорили с легким придыханием, как о предпринимателе «нового поколения». Ему удавалось любое начатое дело, и сейчас, помимо «Бурраты», он владел сетью ресторанов быстрого питания, которая по франшизе уже работала в тридцати регионах страны, пиццерией, рестораном японской кухни и парой кофеен.

Помимо удачливости, столь необходимой в бизнесе, Лаврецкий обладал еще и таким редким нынче качеством, как порядочность. Так говорил Денис, а на мнение брата Соня полагалась полностью. Несмотря на то что был он на два года младше ее, Соне еще со школы казалось, что он в их маленькой семье главный, а она вторая, ведомая.

Соня и Денис рано остались без родителей. С разницей в полгода те сгорели от рака, хотя Соня и тогда, и сейчас была уверена, что отец ушел из жизни от болезни, а мама – от тоски по нему. Как бы то ни было, им с братом было восемнадцать и шестнадцать, когда они пережили двое похорон, после чего вдруг остались совсем одни. Соня тогда училась в институте, Денис заканчивал школу.

У отца был бизнес, долю в котором выкупил его друг и компаньон. Благодаря этому обстоятельству Соня смогла закончить учебу, а Денис, наотрез отказавшийся поступать в институт, – кооперативный колледж. Он с самого детства мечтал стать поваром и стал, преодолев сопротивление сестры, умолявшей брата получить высшее образование.

– Я и без диплома стану самым лучшим в своем деле, – сказал он тогда.

И действительно стал.

Денег хватило бы на дольше, если бы Соня не вышла неудачно замуж. Тогда, оставшись одна, точнее, конечно, с Денькой, но все равно без родителей, она отчаянно нуждалась в чьем-нибудь надежном плече, за которым можно было бы спрятаться от злых жизненных ветров и немного отдышаться от свалившегося на нее горя. Боль от смерти родителей не проходила, не

становилась меньше. Соня просто жила с ней, чувствуя, как эта боль разрастается внутри, как злокачественная опухоль, погубившая ее родных, вытесняя чувства и мысли. Так было до тех пор, пока она не влюбилась.

Ее избранник умел проникновенно смотреть бездонными синими глазами, слушать так, что казалось, что для него больше не существует никого на свете, гладил по голове, ловил мягкими губами ее безвольные губы, шептал какие-то бессмысленные, но утешающие слова, от которых действительно становилось легче.

Как-то незаметно он сначала переехал к ним с Денькой жить, потом женился на Соне, затем взял у нее в долг денег, чтобы раскрутить нуждавшийся в инвестициях бизнес. Много позже Соня поняла, что ее муж вовсе не был предпринимателем, просто прожектером и мечтателем, неспособным на созидание.

Сначала растаяли деньги, а потом и он сам тоже исчез из Сониной жизни, как испарившаяся на солнце лужица от растаявшего снеговика. Ей только и осталось, что удивиться, как тихо и незаметно это произошло. Не осталось ни боли, ни разочарования, одно только огромное изумление, как она могла быть настолько слепой, чтобы не видеть очевидного.

К тому моменту она уже окончила университет и осталась работать на кафедре. К счастью, Денис уже тоже работал в одной из крупных городских столовых, так что на две зарплаты можно было как-то сводить концы с концами.

Соня рвалась разменять родительскую квартиру, чтобы у Дениса был свой угол и своя личная жизнь, но он только сначала смеялся, а потом сердился, потому что считал продажу родительского гнезда кощунством.

– Это твой дом, – говорил он. – И я буду жить с тобой, пока не заработаю себе на квартиру. Сам, потому что я мужчина. И я за тебя отвечаю.

Соня тогда горько плакала, потому что ее братишка оказался единственным человеком, свято верившим, что он действительно несет за нее ответственность. Свой неудавшийся брак она не вспоминала, но и снова замуж не торопилась, разучившись доверять мужчинам.

– У меня сделана качественная прививка, – говорила она подругам.

К счастью, они с мужем не успели завести ребенка. Что это тоже «к счастью», Соня считала лет до тридцати, потому что жизнь у них с Денисом была непростая, в материальном плане в первую очередь, и позволить себе растить одной ребенка она не могла. Правда, последние четыре года в подобном постулате она была уже не уверена, потому что у подруг подрастали дети, один за другим шли в первый класс, некоторые Сонины крестники уже даже успели получить паспорт, а она все была одна.

После пришедшего к нему признания Денис сначала снял, а теперь и купил квартиру, переехал от Сони, хотя тоже все еще не женился. В его жизни появлялись и исчезали какие-то «феи», как характеризовал он их сестре, но сердце и душу не задевали.

У Сони душа болела за брата, потому что она мечтала, что хотя бы у него будет нормальная семья, такая, какая когда-то была у их родителей, и печалилась, что они живут, как два бобыля, для которых не существует ничего, кроме работы, да еще, пожалуй, друг друга. А Денька отмахивался и смеялся над ее глупыми страхами, абсолютно уверенный, что все у них обоих в жизни будет хорошо, только в нужный срок.

– Вот встречу такую женщину, как мама, или хотя бы как ты, – говорил он, – тогда и женюсь.

И это его «хотя бы» Соню ни капельки не обижало, потому что она и надеяться не смела равняться с умершей матерью.

Мысли ее, стартанувшие с добившегося успеха в жизни Дениса, привычно съехали на семью, и, погруженная в себя, очнулась только тогда, когда сидящий рядом Арсений начал что-то возбужденно орать, размахивая руками. Соня невольно вздрогнула.

– Ты чего? Что случилось?

– Сонь, ты мимо Пенсионного же проехала, только не остановилась.

– Ой, – Соня виновато посмотрела на сидящего рядом молодого человека, – я специально маршрут изменила, чтобы тебя до места довезти, и задумалась. Но ты же сказал, что от университета дойдешь. Ничего?

– Да уж дойду, если ты такая ворона. – Голос Арсения звучал язвительно. – Ей-богу, ты все-таки иногда бываешь не от мира сего. Все о женихах мечтаешь?

– Арс, ты, конечно, друг детства моего брата, но точно неходишь в число людей, которые могут разговаривать со мной столь бесцеремонно, – отрезала Соня. Конфликтовать она не любила, но постоять за себя могла. – Я задумалась и проехала мимо, за что приношу свои извинения, но если тебя что-то не устраивает, то будь добр, в следующий раз вызови такси.

– Так я ж не звезда местная, не волшебник поварешки и поварского колпака, я такие деньжищи не зашибаю, чтобы свою машину иметь или на такси раскатывать, – неожиданно зло ответил Арсений. – Это вы с Денькой у нас все из себя благополучные, не надо чужую жизнь по своим привычкам мерить.

– У тебя одна работа? – спросила Соня, которая ненавидела подобные разговоры. – Ты до какого часа работаешь? До пяти?

– Ну да. – Арсений замолчал, явно сбитый с толку ее неожиданным вопросом. – А ты что, после работы меня домой подвезти хочешь? Так я не знаю, где буду, на каком адресе.

– Подвезти тебя в пять часов я не смогу, – ровным голосом сообщила Соня, – потому что после четырех учебных пар у меня еще вечерние курсы, они как раз в пять часов начинаются. Два раза в неделю. А еще я репетитором подрабатываю, как правило, по выходным. Так что на свою машину я, в отличие от тебя, сама заработала. И Денис тоже. Он вообще почти круглые сутки на ногах проводит. И мест работы у него не одно и даже не два. Так что работай больше, Арс. И будет у тебя машина. Или деньги на такси.

– Ух ты какая. – Арсений откинулся к дверце, посмотрел на Соню словно со стороны. В его взгляде сверкала неприкрытая злоба. – Сучка ты, оказывается. Обычная эмансипированная сучка. Работает она, машина у нее. Мужик тебе нужен, чтобы трахал до звона в ушах, да еще кулаками учил уму-разуму, чтобы не выпендривалась.

Соня подъехала к университету, заняла место на парковке, еще свободной по причине раннего утра. Если приехать не к первой, а ко второй паре, уже не встанешь.

– Вылезай, – спокойно сказала она. – Приехали. Это если заканчивать наш разговор на вежливой ноте. А если на невежливой, то пошел вон.

Арсений хлопнул дверью так, что у Сони в ушах словно гром загрохотал. Да что ж за утро такое, и кофе не выпила, и паршивец этот на ее голову навязался.

Катающийся своей чередой день приносил все новые и новые неприятности. На лекцию, поставленную первой парой, пришло всего три человека, остальные предпочли проспать, и Соня расстроилась, потому что к чтению лекций относилась с пиететом и готовилась каждый раз заново, не позволяя себе пользоваться заезженными конспектами.

Кафе в соседнем доме, куда Соня выскочила на перемене, едва дождавшись десяти утра – времени открытия, – оказалось закрыто на санитарный час. По окончании четвертой пары, когда она надеялась сбегать на обед в расположенный неподалеку маленький ресторанчик (принадлежащий Феодосию Лаврецкому, кстати, и находящийся под Денискиным патронажем), неожиданно поставили заседание кафедры.

И вдобавок ко всем неприятностям, на этой самой кафедре рядом с ней умудрился усесться ее бывший научный руководитель профессор Ровенский, близости которого Соня в последнее время избегала, ибо имела для этого все необходимые основания. И вот поди ж ты, зазевалась.

Николай Модестович уселся рядом, поставив стул так близко, чтобы ненароком прижаться бедром к Сониному бедру.

Она досадливо поморщилась. Научного руководителя она уважала, с диссертацией он ей в свое время действительно сильно помог, но слыл бабником и ловеласом, в молодые годы не пропускавшим ни одной юбки. Сейчас Николаю Модестовичу было уже за семьдесят, но его это обстоятельство нимало не смущало. До молодых студенток он уже был неохоч, поскольку те смотрели на старого профессора с откровенной издевкой и недоумением, да и времена нынче были сложные, когда жалобы на харассмент, то бишь сексуальные домогательства, стали делом само собой разумеющимся. Поветрие это, зародившись в Америке, сначала перекинулось на Европу, потом пришло в Россию и теперь докатилось и до их небольшого провинциального городка.

В прошлом году одна из студенток уже написала в ректорат жалобу на Ровенского, тогда конфликт замяли, но больше он к студенткам не подходил даже на пушечный выстрел. Но характер же не переделать. Поэтому весь неистраченный пыл ухаживаний Николай Модестович обрушил на доцента кафедры английского языка Софью Михайловну Менделееву, то и дело томно вздыхая, украдкой пожимая ручки, поглаживая по щечке, трогая коленки и вот так, полуинтимно прикасаясь к бедру.

Соню это и раздражало, и смешило одновременно. Жену профессора, Ольгу Сергеевну Ровенскую, она знала много лет, поскольку профессор имел привычку работать со своими аспирантами дома, приглашая их на чашку чая. Знала и жалела, потому что от козлиных похуждений мужа эта женщина и пятнадцать лет назад выглядела на нынешние семьдесят. Правда, с того времени, как Соня увидела ее впервые, она совсем не изменилась, словно законсервировалась.

Мужа она обожала, измены прощала, больше всего боясь, что муж уйдет от нее к другой. Но никуда уходить от накрахмаленных простынь, постоянных пирогов и борщей и от всемерного обожания супруги Ровенский не собирался. На работе у него была наука, дома – надежный тыл, а темперамент, когда-то безудержный, да и теперь не окончательно утихнувший, он проявлял на стороне.

Соня, тоже словно ненароком, двинула стул. Ровенский отвернулся, будто бы не заметив ее маневра, но спустя мгновение его ладонь оказалась у Сони на спине. Дрогнули пальцы в робком поглаживании. Соню тут же затошнило. Почему-то навязчивые ухаживания благообразного профессора вызвали у нее именно такую физиологическую реакцию. Она дернула плечом, и он понял, убрал руку, пусть и немного помедлив.

К концу заседания кафедры кофе хотелось так сильно, что Соня чуть не плакала. Есть хотелось тоже, и она с нетерпением поглядывала на часы – успеет сбегать в кафе перед началом курсов или не успеет?

Наконец мероприятие, скучное и бессмысленное, как все заседания, закончилось, и Соня вскочила со своего стула, готовая бежать одеваться. До начала вечерних занятий было еще пятьдесят минут, вполне достаточно для кофе с куском курника или киша. Погруженная в приятное чувство предвкушения, она не сразу услышала, что профессор Ровенский ей что-то говорит. А когда услышала, то чуть не застонала от огорчения. Оказывается, он приглашал ее в кафе. То самое кафе, о котором она так страстно мечтала последние полтора часа.

– Позвольте мне угостить вас кофе, Сонечка, – глубокий баритон, богатый модуляциями, звучал приглушенно, чуть интимно. – И обязательно с пирожным. Таким молодым женщинам, как вы, обязательно нужно есть сладкое. И страстно его обожать.

Соня сладкое терпеть не могла, предпочитая любому пирожному какой-нибудь пирожок. Но не говорить же об этом Ровенскому.

Она тяжело вздохнула, отчетливо понимая, что если день не задался с самого утра, то ожидать перемены к лучшему и не стоит.

– Мне некогда идти в кафе, Николай Модестович, – сказала она. – У меня занятия совсем скоро, а мне еще приготовиться надо.

– Жаль-жаль. А я схожу. Нет ничего лучше чашечки кофе после кафедры. Мне, конечно, кофе нельзя, Ольга Сергеевна не одобряет, но иногда я себя балую. Особенно после скучной обязательки. Вот как сейчас. Странно, что вы не любите кофе, Сонечка.

Соня уже с трудом сдерживалась, чтобы не зареветь.

Кофе хотелось невыносимо, а слова Ровенского скребли по душе, как пенопласт по стеклу. Ушел бы он уже, что ли. К счастью, нацепив дорожную куртку и расчесав бородку специальной расческой, которую он носил с собой, Николай Модестович убрался восвояси. Остальные коллеги тоже разошлись, у большинства из них рабочий день был уже позади, и Соня осталась в кабинете одна, шелкнула кнопкой электрического чайника, понимая, что чашка чая ничем не исправит ее сегодняшнего настроения.

И все же лучше чай, чем совсем ничего. Соня налила кипятка в чашку, бросила пакетик чая с мятой, отхлебнула. Скривилась, страдальчески подняла глаза к небу. Со стены на нее, чуть усмехаясь, смотрел портрет профессора Леонида Федоровича Свешникова. По-доброму, надо сказать, смотрел.

Соне посчастливилось застать Свешникова преподающим в университете. Когда она только поступила на свой иняз, Свешников читал английскую литературу, естественно, на языке оригинала. Это были самые лучшие лекции, которые Соня только слышала в своей жизни. Ровенский был его учеником и лектором слыл тоже прекрасным, но сравниться со Свешниковым все равно не мог. Хотя старался. Соня это подмечала.

Потом она погрузилась в горе, связанное со смертью родителей, и старый профессор примерно в это же время тоже сначала заболел и ушел на пенсию, а потом умер. И теперь в помещении кафедры жил только его портрет. Вместе с воспоминаниями, разумеется. Профессор, как помнила Соня, специализировался на поэзии Уильяма Блейка, считаясь крупнейшим в мире специалистом по этой теме. В годы советского застоя он даже умудрился на несколько лет уехать в Великобританию, жил в Лондоне, работал в Лондонском университете, готовил докторскую по Блейку.

Несколько десятилетий спустя Николай Модестович Ровенский шел тем же путем, тоже путешествуя по всему миру и читая лекции в западных университетах, но после перестройки в этом не было ничего особенного, а вот поездка Свешникова была не чем иным, как чудом.

Глядя на его портрет, Соня каждый раз думала о том, что чудеса в жизни все-таки случаются. Старый профессор, улыбаясь с портрета, дарил надежду. Да-да, надежду. Почему-то каждый раз при взгляде на него Соня начинала верить, что все в ее жизни будет хорошо. Жаль только, Свешников не мог хотя бы намекнуть, а когда именно.

Скрипнула входная дверь, в нос ударил запах кофе, и Соня невольно подивилась силе своего воображения. Ну, надо же, у нее уже ароматические галлюцинации начались.

– На, пей, – послышался из-за спины сердитый, до боли родной голос, а в руках оказался бумажный стаканчик, горячий и очень вкусно пахнущий. – Вот что ты за человек такой, говорил же я тебе, заедь в кафе. Так нет же. Так и знал, что ты предпочтешь до вечера страдать.

– Денька. – Соня повернулась, прижалась щекой к широкому плечу брата. – Ну, как же здорово, что ты придумал привезти мне кофе. Я тут без него почти совсем уже пропала.

– Балда. – Он улынулся Соне, ласково-ласково, как улыбался всегда, как будто это она была младшей, а не он. – Я ездил к тебе домой, привез свою кофеварку, твою в ремонт закинул, вот заодно завез тебе твой волшебный напиток. Пей, наркоманка, как будто я не знаю, что ты без него не человек.

– Спасибо. – Соня сделала глоток и зажмурилась от счастья. Прав был профессор Свешников, ой, как прав. Никогда не нужно переставать надеяться. – Ты у меня самый лучший, Денис. Какой-то девушке...

– ...очень сильно повезет, – подхватил он. – Знаю, знаю. И когда такая везучая девушка появится в моей жизни, я вас обязательно познакомлю. Слушай, я побежал, меня Феодосий ждет. Один вопрос. Ты можешь выбрать день, чтобы с ним встретиться?

– С кем? – удивилась Соня и отхлебнула еще.

Кофе был горячим, крепким, несладким. Все, как она любила.

– С Феодосием Лаврецким.

– Твоим шефом? – Соня удивилась еще больше. – А зачем?

– Я ж тебе рассказывал. Он разработал систему мотивации персонала в своих ресторанах. Считает, что, помимо материальной, должна работать и нематериальная мотивация. Понимаешь?

– Не очень.

– А еще он считает, что каждый человек независимо от возраста, места работы и достижений должен в обязательном порядке развиваться дальше. Картины писать, иностранные языки учить, на пианино играть, финансовой грамотностью овладевать. Теперь понятно?

– Понятно. – Соня кивнула и заглянула в кружку, в которой оставалось еще пару глотков кофе. М-м-м-м, какое счастье. – Только я-то тут при чем? Или твой шеф считает, что я тоже должна развиваться?

– Должна, разумеется. Только сейчас разговор не о тебе. Он придумал, что все сотрудники, кто хочет, разумеется, должны иметь возможность за счет компании изучать английский язык. И он хочет с тобой договориться, чтобы ты два-три раза в неделю приходила к нам и вела такие группы. Теперь понятно?

– Где? В ресторане?

– Да почему в ресторане? – От ее непонятливости Денис, похоже, начал терять терпение. – В офисе. У нас же офис есть, от университета в двух шагах, на Пушкинской. Все, кто свободен, могли бы туда приходить в те вечера, когда у тебя курсов нет. Два раза в неделю, один, скажем, в выходной. Или тебе деньги не нужны?

Деньги были нужны. С нового года Соня лишилась двух учеников, с которыми занималась репетиторством. Первый передумал поступать на иняз и отказался сдавать ЕГЭ по английскому, а второй вместе с родителями уехал жить в Москву. Три групповых занятия в неделю она вполне могла потянуть.

Соня с интересом посмотрела на Дениса.

– Феодосий платит хорошо и всегда вовремя, ты же знаешь. Оформление белое. Все официально и по-честному. Кстати, если все-таки решишь отказаться, может, посоветуешь кого другого. Хотя я бы на твоем месте не отказывался.

– Я, наверное, и не откажусь, – призналась Соня. – А когда нужно идти разговаривать?

– Давай завтра, у тебя же нет курсов. Ты во сколько освободишься?

– Завтра часа в четыре, наверное. – Соня шагнула к столу и перелистнула календарь. – Да, точно, в пятнадцать сорок пять пара заканчивается.

– Ну, вот и договорились, значит, я скажу Феодосию, что ты приедешь к четырем. И сам постараюсь подъехать.

Снова скрипнула дверь, и в кабинете появился Ровенский. Интересно, и зачем он вернулся?

Ах да. У него сегодня тоже есть вечерняя группа.

При виде Дениса лицо старого профессора невольно скривилось, как будто ему наступили на мозоль.

– Успеваете между занятиями с кавалерами миловаться, Сонечка? – кисло спросил он и покосился на стаканчик в ее руках. – Теперь я понимаю, почему вы не приняли мое приглашение на кофе.

– Николай Модестович, вы не узнаете моего брата? Когда я была вашей аспиранткой, он частенько меня встречал. Правда, с того времени довольно сильно изменился. Денис, поздоровайся, пожалуйста.

Денис усмехнулся, сделал шаг вперед, пожал немного вялую мужскую руку со старательно отполированными ног-тями.

– О-о, молодой человек, я вас действительно не узнал. То, что вы заботитесь о своей сестре, это похвально, очень похвально. Но, как бы то ни было, Сонечка, вам нужно бежать. Сейчас, заходя в здание, я видел ваших милых студенток. Они торопились к вам на занятие.

– Да, уже иду. Дениска, насчет завтра договорились. И еще раз спасибо за кофе. И за агрегат тоже. Что бы я без тебя делала?

– Вам, милая Сонечка, надо больше надеяться на настоящих мужчин, верных рыцарей, которые рядом с вами и которых вы упорно не замечаете, – назидательно сообщил Ровенский. – Если бы вы мне сказали, я бы вполне мог тоже принести вам кофе. Я же ходил в кафе и...

– Так в том-то и дело, что Денису не надо ничего говорить, – прервала его Соня, подхватила со стола папку с материалами для занятий и решительно взяла брата под руку. – Пошли, Денис. Мне действительно уже некогда.

* * *

Все утро Феодосий потратил на то, чтобы отбиться от навязчивого предложения стать депутатом городского представительного собрания. До выборов в этот совершенно бессмысленный, с точки зрения Лаврецкого, орган оставалось с полгода, и отвечающие за это чиновники надрывали жилы, пытаясь найти людей, способных не только справиться с обязанностями депутата, но и оплатить собственную избирательную кампанию.

Оплатить Феодосий мог хоть десять таких кампаний, но вот в депутаты не хотел категорически. Помогать людям и творить добрые дела он предпочитал, не отходя от своего рабочего места. В его кафе, ресторанах, пиццериях сейчас в общей сложности работали полторы тысячи человек, которым он платил белую и очень достойную зарплату, помогал устраивать детей в детские сады, оплачивал высшее или дополнительное образование, помогал с лечением близких, проводил конкурсы профессионального мастерства с весьма приличными призами, выдавал беспроцентные ссуды на покупку жилья.

С его точки зрения, этого было вполне достаточно. Тратить время на переливание из пустого в порожнее, просиживать штаны на скучнейших заседаниях он не собирался, равно как и бороться с ветряными мельницами. Все равно не поможет, да и неинтересно.

Чиновники, впрочем, считали иначе, видя в Лаврецком тучную дойную корову для своих политических игрищ. Он же проявлял весь свой недюжинный ум, чтобы держаться подальше и от политики, и от чиновников.

Он не был наивным простаком, наивные простаки не достигают в бизнесе подобных высот, а потому прекрасно понимал, что, в случае необходимости, обиженные его холодностью чиновники способны доставить ему уйму неприятностей. Пожарные, санитарные врачи, налоговая инспекция, прокуратура... Список контролирующих и проверяющих органов, которые можно было бы натравить на предприятия общественного питания Феодосия Лаврецкого, был бесконечным. Поэтому он старался никого не обижать, а умело лавировать между Сциллой и Харибдой. Пока получалось, хотя и с трудом.

Впрочем, думать о сегодняшнем утре было неинтересно. За время его блуждания по коридорам власти дел накопилось предостаточно, так что, вернувшись в офис и запершись в своем кабинете, он погрузился в мир бумаг и цифр. Открытие новых заведений по франшизе в других городах, прием на работу новых сотрудников, ввод весеннего меню, ремонт в одном из ресторанов сети, закупка продуктов, поступления денег и погашение дебиторской задолжен-

ности – для него не было мелких вопросов, и во все из них Лаврецкий предпочитал вникать до самого доньшка.

Правило «хочешь сделать хорошо – сделай сам» он считал вредным и неправильным, на работу привлекал лучших профессионалов, платил им щедро, спрашивал очень строго, доверял принимать решения и все-таки держал под личным контролем практически все, искренне полагая, что в дотошности и въедливости и кроется секрет успешного бизнеса.

В разгар работы позвонил Денис Менделеев – самый лучший повар в заведениях Лаврецкого и почти что друг. С одной стороны, парень очень нравился Феодосию своей открытостью и откровенным талантом. Человек он был хороший: добрый, верный, надежный. С таким – хоть в разведку. С другой – солидная разница в возрасте (а Денис был на десять лет младше самого Феодосия), а также некоторая разница в положении делали искреннюю дружбу затруднительной.

В их паре Денис был наемным работником, Феодосий – владельцем бизнеса, хозяином, и сложившуюся между ними дистанцию Денис не сокращал ни на йоту. Стоило Лаврецкому сделать маленький шагок к неформальному общению, как Менделеев тут же на шаг отступал. Из-за подобной щепетильности и твердой позиции Феодосий уважал Дениса еще больше.

Сегодня Денис звонил сказать, что выполнил данное ему поручение найти преподавателя на курсы английского языка, которые Лаврецкий придумал как еще один способ мотивации и одновременно развития сотрудников. Старшая сестра Дениса преподавала английский и была готова взяться за работу. С ней нужно было встретиться завтра, в районе четырех часов, и после разговора с Денисом Феодосий вписал эту встречу в свой ежедневник.

Он снова погрузился в бумаги, но его вновь отвлек телефонный звонок. Поглядев на экран, он мимолетно поморщился. Звонила жена, уже довольно давно перешедшая в разряд «бывшая». Когда-то, когда Феодосий был еще совсем молодым, он был уверен, что семья создастся один раз и на всю жизнь. Именно так жили его родители и бабушки с дедушками, и ему казалось совершенно естественным, что так живут и все остальные.

Впервые придуманное им устройство мира пошатнулось еще в загсе, когда девушка-распорядитель, выстраивая гостей полукругом вокруг молодоженов для общей фотографии, с удивлением заметила: «Ну, надо же, с обеих сторон полные родительские семьи».

– А как иначе? – удивился тогда Феодосий.

– Да у всех сейчас только матери в загс приходят, потому что с отцами давно в разводе, – пояснила девушка, – чего уж тут непонятного.

Но Феодосию все равно было непонятно, потому что в его семье все искренне любили друг друга. Безоговорочно доверяли, обожали вместе проводить вечера и выходные, вместе ездить в отпуск, делиться важными событиями дня, радоваться успехам друг друга и переживать, если у кого-то что-то пошло не так.

Они с женой прожили меньше года, когда ее родители развелись. Выяснилось, что долгие годы отец жены имел вторую семью на стороне и сейчас, дождавшись, пока повзрослевшая дочь вышла замуж, наконец-то позволил себе уйти туда, где был счастлив. Теща, как казалось Феодосию, немного сошла с ума от обрушившегося на нее предательства мужа, по крайней мере, она стала нервной и дерганой, подозревала в бог знает каких грехах весь белый свет, включая мужа дочери, устраивала многочасовые истерики с бурными рыданиями, а с Феодосием не разговаривала, а только шипела.

К вящему удивлению Лаврецкого, чуть позже выяснилось, что все эти годы о существовании второй семьи у мужа теща знала и закрывала на это глаза. То есть рана, нанесенная предательством, не была свежей, а уход мужа стал лишь логическим завершением долгой и не очень красивой истории, которую нужно было рано или поздно как-то разрешать. Уход тестя вскрыл нарыв, из которого теперь выплескивались тонны гноя, но, на взгляд Феодосия, это вело лишь к оздоровлению ситуации.

Жена, когда он поделился с ней своими размышлениями, его не поняла.

– Ты что, – с подозрением в голосе спросила она, – с ума сошел? Да мама была готова до конца дней терпеть эту ситуацию, лишь бы с виду все оставалось в рамках приличий. Как ей теперь в глаза знакомым смотреть, когда она брошенка? И это в пятьдесят-то лет.

С точки зрения Феодосия, логика была кривая, но спорить он не стал, не хотел расстраивать жену. Во-первых, любил, а во-вторых, ей и так приходилось несладко из-за матери.

Он и дальше старался с ней не спорить. И тогда, когда она заявила, что пока не готова иметь детей, и тогда, когда сначала поступила в очную аспирантуру в Москве, а после защиты осталась там же, получать еще и второе высшее образование, и когда, вернувшись, засела дома, заявив, что не создана для работы.

Все те годы, что жена училась и самообразовывалась, он строил свой бизнес. Начав с маленькой службы по доставке пиццы, все расширялся и углублялся, и придумывал новые направления, и искал единомышленников, и создавал сеть лучших ресторанов в городе, и устраивал экспансию за пределы области, и строил офис, покупал площади для ресторанов, содержа при этом и жену в Москве, и ее так и не пришедшую в себя мамашу.

Им с женой было по тридцать два, когда он вымолил, выклянчил, выстрадал, чтобы жена родила ему дочку. Так в его жизни появилась Наташка, похожая на маленького жирафика, с такой же тонкой шейкой, длинными голенастыми ножками и огромными доверчивыми глазами. Дочь Феодосий обожал и проводил с ней все свободное время. Впрочем, и несвободное тоже.

В их семье именно он вставал по ночам, когда ребенок плакал, потому что жене требовалось выспаться хорошенько, чтобы сберечь красоту и молодость. Он не спорил, потому что бессонные ночи были самым малым, чем он мог рассчитаться с женой за подаренное ему чудо.

Он таскал дочку на работу, и она спала на маленьком диванчике за ширмой, пока он проводил свои совещания. Он бы и в командировки ее брал, была бы его воля, но жена была против, а он опять не спорил, чтобы ее не сердить и не нервировать тещу. К тому времени, как дочери исполнилось пять, а ему тридцать семь, как-то так сложилось, что жена практически все время была сердита, а теща нервирована. И он страшно удивился, если бы узнал, что главной причиной их нервов и недовольства был он сам – Феодосий Лаврецкий. Но он не знал, потому что ему некогда было раздумывать над их вечно недовольным видом. Он работал и занимался Наташкой.

Феодосию было сорок, когда жена от него ушла. Перед разводом она много говорила про то, что остановилась в духовном росте, про мещанство, из которого нужно найти выход, про свободу самовыражения, без которой она задыхалась все эти годы. Из всего этого бреда Лаврецкий понял только, что она ушла, забрав с собой Наташку, и теперь живет в отдельной квартире, которую купила втихаря от него. Никогда-никогда он не ограничивал свою неработающую жену в деньгах.

Еще спустя пару месяцев, забирая дочку на выходные (это право он отвоевал, хоть и с некоторым трудом), он выяснил, что жена живет не одна, а вместе с подругой. Тетей Надей, как называла ее Наташка. Ничего не поняв, Феодосий на всякий случай нанял частного детектива, который быстро установил, что его бывшая жена на самом деле живет теперь с женщиной. Видимо, свобода самовыражения относилась именно к этому.

Спорить он снова не стал, но дочь забрал к себе решительно и бесповоротно. Операция прошла бескровно, потому что Лаврецкий обладал прекрасным даром убеждения. Оставив дочь жить с отцом (что Феодосий закрепил юридически, через суд, во избежание дальнейших сюрпризов), бывшая жена получала ежемесячное содержание, весьма щедрое, надо сказать. Кроме того, она становилась владелицей прекрасного небольшого домика на Мальдивах, где могла жить вместе с «тетей Надей», не страшась людского осуждения и зимних снегопадов.

Теще же была куплена квартира на испанском побережье и тоже выделен пенсион, не очень щедрый, но достаточный для того, чтобы вести скромную жизнь европейской пенсионерки, не путаясь под ногами у дочери с ее любовью и бывшего зятя с его делами.

В общем, как принято говорить, стороны разошлись к обоюдному удовлетворению. Осадочек, правда, остался, по крайней мере у Феодосия, который вот уже два года пребывал в состоянии некоторого легкого изумления, но обращать внимание на такие мелочи ему было некогда.

Знакомые на развод вообще никак не отреагировали, потому что всей правды не знали. Обычные же расставания семейных пар оказались действительно настолько привычным делом, что на них никто не обращал внимания.

Развелись? Хорошо. Живете в разных странах? Нормально. Ребенка воспитывает отец? Какая разница. Все оценивали ситуацию именно так, и Лаврецкого это вполне устраивало.

Наташка с матерью общалась по скайпу и от ее отсутствия особо не страдала, потому что безумно, до дрожи обожала отца. Растить дочь Феодосию помогала мама.

Жизнь вошла в привычную колею, «устаканилась», как говорила Наташка. И вот сейчас звонок бывшей жены, которая никогда-никогда ему не звонила, грозил перевернуть это хрупкое равновесие.

– Привет, – сказал Феодосий, проведя пальцем по экрану телефона. Не смотреть же, как он звонит, целую вечность.

– Привет. – Голос в трубке звучал вполне себе беззаботно, но Лаврецкого больше не вводили в заблуждение интонации его жены. – Слушай, я тут подумала... Ты не можешь увеличить мне ежемесячное содержание? Процентов на тридцать. Да, я думаю, так мне хватит.

– Могу. – Феодосий вздохнул, покосившись на Эверест бумаг, который не становился меньше. Интересно, он до вечера их разгребет?

– Здорово, – жена, то есть бывшая, конечно, заметно обрадовалась. – Тогда давай уже с этого месяца ты мне будешь переводить больше. Договорились?

– Нет, не договорились.

– Я понимаю, в этом месяце ты уже выплату сделал. Хорошо, тогда со следующего. Я согласна.

– Нина, – Феодосий снова вздохнул, – ты не поняла, я не собираюсь увеличивать тебе выплаты. Ни с этого месяца, ни со следующего, ни с какого.

– Но ты же только что сказал, что можешь, – оторопел голос в трубке.

– Могу. Только не хочу. И не считаю нужным.

– Лаврецкий, ты что, надо мной издеваешься?

– Ни в малейшей мере. Нина, два года назад мы с тобой все обговорили и закрепили наши договоренности в суде и у целого сонма адвокатов. Я купил тебе дом, твоей мамаше квартиру, выплачиваю вам обоим ежемесячные алименты, а вы в качестве ответной любезности навсегда оставляете в покое меня и Наташку. Два года тебя все устраивало. Что-то изменилось?

– Да, изменилось. – В голосе жены послышались панические нотки. Бывшей жены, разумеется. – Я скучаю по ребенку. Неужели ты настолько бесчувственный, что не в состоянии этого понять?

– Нина, ты только меня за идиота не держи, ладно? – ласково попросил Феодосий. – Как твоя тоска по ребенку зависит от уровня твоего материального благосостояния? Или лишние деньги компенсируют твои нравственные страдания?

– В общем, Лаврецкий, или ты платишь мне больше, либо я забираю ребенка, – устало сказала Нина. – Выбор у тебя невелик, если ты еще не понял.

– Нина, это ты не поняла. Повторю еще раз – наши с тобой договоренности я внес в стопятьсот юридических документов. Поэтому Наташку ты не заберешь. Ни сегодня, ни завтра,

никогда, и не надо меня шантажировать, ладно? У меня крепкая нервная система, если ты помнишь.

– Скотина. – Жена нажала на отбой, и в ухо Феодосию забили звонкие, отчего-то очень противные гудки.

Он пожал плечами, отбросил телефон и тут же забыл про звонок, и про Нину тоже забыл, потому что все, связанное с ней, давно отболело и зажило. Он считал, что насовсем.

Рабочий день, плавно перетекая в рабочий же вечер, шел своим чередом. Заботы были привычными и приятными, потому что свое детище Лаврецкий любил, сотрудников ценил, их достижениями гордился. Жизнь была прекрасной, безоблачной и счастливой или, по крайней мере, казалась таковой.

Глава вторая

Соня разговаривала с людьми в форме и посматривала на часы. Для того чтобы поговорить с приехавшими по ее просьбе полицейскими, она отпросилась с последней пары, но к четырем часам ее ждал начальник Дениса, и подводить брата ей не хотелось.

Полицейскими машинами был заставлен весь двор, соседи смотрели искоса, но это Соню мало заботило. Главное, что после многомесячных просьб и обращений органы правопорядка были согласны вскрыть соседскую квартиру. Ту самую, из которой крайне подозрительно пахло.

Полицейских помогла организовать журналистка Инесса Перцева. Вчера Соня не постеснялась и обратилась за помощью к ее дочери Насте. Девушка сначала от чего-то сильно расстроилась, словно упоминание матери ей было неприятно, но, вникнув в суть вопроса, кисло пообещала помочь.

Сегодня, когда Соня вела семинарское занятие на первой паре, ей позвонила сама Перцева, уточнила некоторые детали и велела ждать. Еще спустя час она перезвонила, чтобы уточнить, во сколько Соне будет удобно подъехать домой, чтобы дать показания и присутствовать при вскрытии двери. Пришлось отпрашиваться.

– Итак, гражданка Менделеева Софья Михайловна. – Беседу с ней вел незнакомый оперативник. Участковый крутился рядом, посматривал на Соню с укоризной. Мол, что ж ты так меня подставляешь-то. Но Соне было его не жалко. Глядишь, отреагировал бы на ее первое заявление, не пришлось бы сегодня позориться при всем честном народе. – Знаете ли вы, кто проживает в соседней с вашей квартире?

– Конечно, знаю. Я в этом доме с рождения живу, поэтому всех старых соседей знаю. В пятьдесят шестой квартире живут отец и сын Галактионовы. Борис Авенирович и Саша, Санек.

– Какого они года рождения, вы знаете?

– Год точно не скажу, но Борису Авенировичу в прошлом году шестьдесят пять лет отмечали, так что сейчас уже на год больше, а Санек – мой ровесник, так что ему тридцать четыре года. Он – инвалид с детства. Ментальное расстройство.

– Это умственно отсталый, что ли?

– Да, можно и так сказать. Санек наблюдается в психоневрологическом диспансере. Они его тоже потеряли, он очень давно на приемах не был.

– Он что же, никогда не работал?

– Нет, конечно. Он вообще как будто пятилетний ребенок был. То есть ни помыться сам не мог, ни еду приготовить, ни в магазин сходить.

– А жили они на что?

Соня пожала плечами.

– В последние годы на две пенсии, как я понимаю. А до этого Борис Авенирович работал, конечно. Тогда еще его жена была жива. Она с Саньком дома сидела, а отец деньги зарабатывал.

– А кем он работал?

– Даже и не знаю. – Соня потерла лоб, вспоминая. – Вроде, когда я была маленькая, родители говорили, что он учителем был, но из-за болезни Санька уволился и пошел рабочим. Сварщиком, что ли. Тогда в советские годы они очень много зарабатывали. Галактионовы каждый год Санька возили на море, в санатории разные, к экстрасенсам обращались. У них очень много денег на это уходило.

– И как они, тихо жили? Этот их, больной, не буйный был?

– Нет, что вы. – Соня даже рассмеялась от такого нелепого предположения. – Санек тихий, вежливый очень. Улыбается всегда. Знаете, раньше про юродивых говорили, что они

светлые, так вот Санек он как раз очень светлый, добрый, в отличие от отца. Рисовать, кстати, любит.

– А отец, выходит, злой?

– Нет, что вы. Борис Авенирович не злой. Я, наверное, неудачно выразилась. Просто он на жизнь немного озлобился. Непростая она у него была, особенно когда жена умерла. Он и по хозяйству все сам, и с Саньком крутился с утра до вечера, и денег им, конечно, не хватало. В общем, он иногда проявлял агрессию, но такую, в рамках. Например, как-то стал кричать на меня, что мы за ним следим. Или еще как-то раз обвинил нас с братом в том, что ему дверной глазок заклеиваем.

– А вы не заклеивали?

– Нет, конечно. – Соня даже засмеялась от такого нелепого предположения.

– Софья Михайловна, когда в последний раз вы видели своих соседей?

Соня задумалась.

– Точно не знаю, – призналась она. – Я совершенно точно разговаривала с Борисом Авенировичем в прошлом апреле. Приехала с работы, вышла из машины, пошла к подъезду, а там они с Саньком у входа стоят. Они из магазина возвращались, и я еще помогла им сумку с продуктами до квартиры донести. Да, пожалуй, именно тогда я их видела в последний раз, хотя не могу сказать, тогда они пропали или немного позже.

– А когда вы обратили внимание на их исчезновение?

– Летом. Где-то в середине июля, пожалуй. В почтовом ящике скопились неоплаченные квитанции, хотя до этого Борис Авенирович забирал их регулярно. Кроме того, мне показалось, что я чувствую неприятный запах из их квартиры, и я позвонила в полицию. Вот, Павел, наш участковый, тогда приезжал, может точно посмотреть, какого числа это было.

Оперативник и этот самый Павел обменялись малопривлекательными взглядами.

– Ну что, все понятно, пойдемте, Софья Михайловна, будете понятой при вскрытии квартиры ваших соседей.

Соня снова посмотрела на часы, показывающие десять минут четвертого. Да, пожалуй, полчаса у нее еще есть.

– А это долго? – робко спросила она. – А то у меня в четыре часа назначена встреча...

– Зависит от результата, – оперативник нехорошо усмехнулся, – но будем надеяться, что ничего, кроме испорченных продуктов, мы в этой квартире не найдем.

Вторым понятым оказался сосед из третьей на их лестничной площадке квартиры – отставной военный Владимир Петрович.

– Паникерша ты, Сонечка, – укоризненно выговаривал он, наблюдая, как вызванный из управляющей компании слесарь виртуозно вскрывает два замка на двери Галактионовых. – И чего шум подняла? Людей только от дела отрываешь. Вот вернется Борька из своей поездки, будешь ему объяснять, почему дверь в квартиру вскрыта. Знаешь же, как он трепетно к этому всему относится.

– Да, знаю, – уныло сказала Соня.

Проблема теперь уже казалась ей надуманной, и она начала испытывать привычное чувство неловкости, которое возникало у нее всегда, когда чужие люди ее в чем-то обвиняли.

Щелкнул замок, открылась дверь, затем вторая поехала внутрь, открывая взглядом собравшихся длинный пустой коридор. На лестничную клетку из этого коридора вырвалась волна чудовищной вони, заставившая отшатнуться к стене.

Владимир Петрович больше не бухтел, стоял молча, сжав губы в узкую прямую линию. Рядом белел лицом полицейский, видимо, предвидел для себя серьезные неприятности.

– Знакомый запах? – Оперативник внимательно смотрел на Сониного соседа.

Она, затаив дыхание, ждала его ответа, как будто от него зависела жизнь.

– Да, – нехотя ответил он. – Я в Афгане служил. «Груз 200» не раз отправлял на шестидесятиградусной жаре.

– Ладно, что тут стоять, пошли. – Полицейский шагнул внутрь, сердито повернулся к топтавшейся на пороге Соне: – Что вы застыли, Софья Михайловна, проходите, вы же понятая. Да и кашу эту всю заварили тоже именно вы.

Стараясь не дышать, как будто это было возможно, Соня заставила себя перешагнуть порог. Гуськом они дошли до кухни, заглянули в нее. На полу, под столом лежало то, что осталось от Бориса Авенировича. Никогда до этого Соня не видела мумифицированного трупа, но отчего-то при первом же взгляде на него поняла, что это именно он, а не его сын.

Глаза слезились от тошнотворного запаха. А на лестничной клетке он был в сто, нет, в пятьсот раз слабее из-за двух довольно герметичных, практически сейфовых дверей.

Соня вдруг совершенно не к месту удивилась тому, что у двух пенсионеров (одного по возрасту, другого – по инвалидности) в квартире были установлены такие сейфовые двери. Можно подумать, у них могло быть что-то ценное.

Полицейские вместе с соседом Владимиром Петровичем уже прошли дальше, в одну из комнат, но Соня не могла себя заставить сделать больше ни шагу внутрь ужасной квартиры. Она не сомневалась, что и младшего Галактионова тоже не было в живых.

– Еще одна мумия. – Оперативник, бывший здесь, по всей видимости, за старшего, витиевато выругался сквозь зубы.

Владимир Петрович тоже безостановочно бормотал ругательства. Заметил Сонин взгляд, пояснил коротко:

– Ты прости, Сонечка, но так легче.

Соне казалось, что легче ей не станет уже никогда. Этот ужасный запах так и будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь, не давая сделать ни глотка. При мысли о еде желудок поехал вверх.

Соня выскочила на площадку, опрометью кинулась к своей квартире, но успела добежать лишь до коврика у входной двери, сложились пополам.

Следом за ней выскочил и Владимир Петрович, задышал открытым ртом, протянул ей платок.

– Много чего в своей жизни видел, но такого... Дезинфекцию теперь надо заказывать, скорее всего, не только квартиры, но и всего подъезда. И кому они мешали, спрашивается? С тараканами, конечно, мужики были, что старый, что малый, но тихие и безобидные, по большому-то счету.

– То есть, – Соня, непонимающе посмотрела на соседа, – вы что имеете в виду?

– Да то и имею, что убили их. Борьку с Сашкой, я имею в виду.

– Убили???

Почему-то до этого мысль, что отец и сын Галактионовы пали жертвой преступления, не приходила Соне в голову. Нет, ну, в самом деле, это же глупость какая-то.

Конечно, характер у Бориса Авенировича был не сахар, только эти постоянные обвинения в слежке и заклеивании дверного глазка чего стоили, но за это же не убивают. Или их ограбили? Так не было в их квартире ничего ценного.

Еще когда была жива жена Бориса и мать Санька, Соня иногда бывала в соседской квартире, забегая за пресловутой «солью» или поздравляя с Новым годом. Квартира была совершенно обычная. Как говорится, бедненько, но чистенько. Даже сейчас она выглядела практически стерильной, если бы не ужасный запах.

Бедно жили Галактионовы. Настолько бедно, что не имело никакого смысла убивать владельцев квартиры, чтобы чем-то в ней пожить.

Соня бросила косой взгляд на двойные бронированные входные двери. Или она что-то про Галактионовых не знает?

Из квартиры выглянул участковый. Лицо его имело зеленоватый отлив и было мрачным донельзя. Соне даже стало его жалко, и так процедура не из приятных, так еще и проблемы неизбежны. Ну-ка, соседи с лета жаловались на запах и требовали вскрыть двери, а он не реагировал. Вот и дотянул до двух мумифицированных трупов.

При воспоминании об увиденной картинке желудок снова поехал к горлу, но Соня усилием воли взяла себя в руки.

– Пройдите, протокол подписать надо, – сказал ей участковый.

Соня замотала головой:

– Я туда больше не пойду.

– Положено так. – Он тоже с усилием сглотнул. – Это быстро. И можно у самой двери. Далеко проходить не обязательно.

– Пойдем, – Владимир Петрович вздохнул. – Что ж поделаешь, если надо. Ты это, потом водки обязательно выпей, иначе не отпустит.

С точки зрения Сони, в ее жизни не могло быть никакого потом. Она была совершенно уверена, что все увиденное отпечаталось в ее памяти навсегда и «развидеть» картинку сегодняшнего дня ни за что не получится.

Где-то в прошлой жизни осталась привычная повседневность с лекциями, семинарами, курсами, студентами, отправленной в ремонт кофемашиной и деловыми встречами. Кстати, кажется, сегодня она должна была с кем-то встречаться, но сейчас Соня не помнила, с кем и по какому поводу.

Совсем не вовремя у нее зазвонил телефон, и она ухватилась за него, как утопающий за соломинку. Разговаривая по телефону, можно было оттянуть возвращение в страшную квартиру. Звонил брат.

– Сонь, у тебя все нормально? – Голос Дениса звучал озабоченно. – Ты на встречу к Феодосию не пришла и не предупредила. Зная твою пунктуальность, я заволновался.

– У меня – да, – вяло сказала Соня.

Точно, у нее же была назначена встреча с Денискиным начальником, всесильным владельцем уймы ресторанов Феодосием Лаврецким. Кажется, он хотел нанять Соню на работу – обучать персонал английскому языку. А она не пришла на встречу. Что он теперь о ней подумает? Впрочем, почему-то последнее Соню совершенно не волновало.

– А у кого не в порядке? – Денис, как всегда, умел вычленять суть любого предложения. – Сонь, я по голосу слышу, что что-то случилось. Так что давай, рассказывай.

И Соня рассказала.

Денис слушал молча, не перебивая, как умел слушать только он.

– Я сейчас приеду, – сказал он, когда она закончила. – Насчет Феодосия не переживай, я ему все объясню. И с работы отпрошусь, тебя нельзя сейчас оставлять одну.

Нет, все-таки у нее был самый лучший брат в мире. От этой мысли Соне стало чуть легче. Откладывать неизбежное дальше было глупостью. Уж лучше правда сделать и оставить все позади. Тем более что Дениска скоро приедет.

Она тяжело вздохнула, задержала дыхание и переступила порог галактионовской квартиры.

Участковый обманул, голоса полицейского и Владимира Петровича раздавались из глубины жилища, в коридоре никого не было. Соня двинулась по коридору, стараясь не поворачивать голову в сторону кухни, где под столом лежал Борис Авенирович, а точнее, то, что от него осталось.

Дверь в кухню была преодолена без происшествий. Дальше по курсу находилась гостиная, и, хотя голоса раздавались не оттуда, Соня зачем-то невольно повернула голову. Так и есть. Останки Саши Галактионова лежали на диване, перед телевизором.

Голова закружилась так сильно, что Соня чуть не упала, и, чтобы удержаться на ногах, уцепилась за стоящий в коридоре книжный стеллаж. У Галактионовых вообще было очень много книг. Вся прихожая вдоль стен была заставлена книжными стеллажами. Маленькая Соня частенько брала у соседей книжки почитать и все удивлялась, зачем сварщику, которым трудился Борис Авенирович, такая уйма книг. Не для Санька же, в самом-то деле. Тот и читать не умел.

Пальцы, холодные, липкие от ужаса, скользили по книжным корешкам. Соня снова чуть не упала, вцепилась покрепче в какую-то обложку, против воли вытащила тонкую тетрадку, обтянутую коленкором. Таких тетрадей не выпускали уже лет тридцать, не меньше.

Голоса зазвучали громче, видимо, полицейские собирались отправиться на ее поиски, чтобы поскорее разделаться с неприятной обязанностью. Тетрадка холодила пальцы, и, не очень соображая, что она делает, Соня зачем-то засунула ее сзади за пояс джинсов, прикрыв сверху длинным свободным свитером.

– Софья Михайловна, давайте уже закончим. – Ей навстречу шагнул оперативник, и Соня послушно расписалась в протоколе осмотра места происшествия.

– Я могу идти?

– Да, можете.

– А с ними, я хочу сказать, с Борисом Авенировичем и Саньком что теперь будет?

– Да с ними ничего уже не будет, – сообщил оперативник. – Сейчас вызовем перевозку, отвезем их в судебно-медицинский морг. Квартиру опечатаем, затем будем родственников искать. Вы не знаете, были у них родственники?

– Какие-то дальние были, но я с ними незнакома.

– Ладно, сами найдем. Вы, Софья Михайловна, идите домой. Спасибо за помощь.

Уговаривать дважды Соню не пришлось. Она пулей пролетела казавшийся нескончаемым коридор, перебежала лестничную клетку, у порога своей квартиры подняла запачканный дверной коврик, влетела в родной коридор, захлопнула за спиной дверь, постояла, привалившись к ней спиной, стараясь отдышаться.

Получалось, впрочем, плохо. Ей казалось, что ее одежда, волосы, даже кожа насквозь пропитались смердящим ароматом. Она отлепилась от двери и кинулась в ванную, швырнула коврик в душевую кабину, пустила воду, очень горячую, начала срывать с себя одежду, судорожно соображая, где у нее стоит «Ваниш». На пол шлепнулась коленкоровая тетрадь, Соня подобрала ее двумя пальцами, добежала до балконной двери в кухне, открыла ее и кинула тетрадь туда, пусть на легкий весенний, но все же мороз.

Вернулась в ванную комнату, собрала одежду, замочила ее в тазу с пятновыводителем и стиральным порошком, кинула туда же нижнее белье, оставшись голой. Оттерла и прополоскала коврик, отправила его к тетради – на балкон, вымыла кабину, отдраив ее «Пемолюксом», влезла внутрь, пустила самую горячую воду, которую только могла вытерпеть, и начала яростно намыливать голову шампунем, раз, второй, третий, лишь бы отбить, казалось, въевшийся в волосы запах.

Ванную комнату быстро заволокло паром, в котором не было видно даже собственных, распаренных от кипятка пальцев. Соня намыливалась снова и снова, поливалась гелем для душа чуть ли не с остервенением. Из-за шума падающей воды она не слышала звонка в дверь, потом скрежетания ключа в замочной скважине, затем шагов, не очень уверенных, принадлежащих человеку, никогда до этого не находившегося в этой квартире и явно не знавшего, где что в ней находится.

Соня в последний раз смыла с волос обильную пену, отжала собранный хвост, чтобы с него стекла вода, отодвинула дверцу душевой кабинки и от неожиданности завизжала в голос. Перед ней стоял совершенно посторонний мужчина, никогда не виденный ею ранее. В довольно

дорогой куртке, это она успела отметить краем сознания, и приятной, совсем не бандитской наружности, он смотрел на нее с некоторой смесью смущения и тревоги во взоре.

Соня взмахнула руками, словно прогоняя привидение, поскользнулась на устилавшей дно кабины пене и с грохотом упала, успев подумать о том, что лежащую в ванне, голую, мокрую и незащищенную, ее будет убить совсем не сложно. Последней мыслью стала тревога за Дениса, который должен был появиться в ближайшее время, а значит, стать следующей жертвой пробравшегося в квартиру преступника. Затем наступила спасительная темнота, потому что Соня потеряла сознание.

* * *

Феодосий и не помнил, когда он в последний раз оказывался в столь идиотской ситуации. Если быть совсем точным, то никогда. За всю его сорокадвухлетнюю жизнь не бывало такого, чтобы он растерянно стоял в ванной комнате чужой квартиры, а перед ним в душевой кабине лежала молодая женщина в обмороке, причем совершенно голая.

Как бы ни было это не вовремя, Феодосий не мог не отметить, что сложена она просто изумительно – тонкая талия, изгиб которой соблазнительно убежал к довольно крутым бедрам (Лаврецкому никогда не нравились худышки), высокая грудь, изящные лодыжки и круглые колени, да и шея длинная. Ммм, мечта, а не женщина.

Что с ней делать, Феодосий не имел понятия. Не звонить же Денису? Тому точно не понравится пикантная позиция, в которой очутилась его любимая старшая сестра. Феодосий снова покосился на лежащую без движения фигуру, и не скажешь, что старшая, кстати. Выглядит совсем девчонкой.

От напряжения у него взмок затылок.

Черт бы подрал этого Дениса. Ворвался в кабинет с сообщением, что его дражайшая сестрица не придет на встречу, потому что у нее на лестничной площадке обнаружили два трупа. Стал отпрашиваться, чтобы съездить к сестре, потому что она, понятное дело, от таких новостей находилась в растрепанных чувствах.

Отпустить его Лаврецкий никак не мог, потому что именно сейчас должны были начаться переговоры с очень важным клиентом, планирующим в ресторане «Буррата» очень крутой корпоратив. Обсуждать меню клиент желал исключительно с шеф-поваром, но бросить сестру на произвол судьбы Денис отказывался категорически, а потому Феодосий, который славился умением находить выход из самых безвыходных ситуаций, предложил отправиться на помощь вместо него.

Если предложение и ошарашило Дениса Менделеева, то не сильно.

– А что, – сказал он, поразмыслив, – я не против. Вы там ее поддержите, пожалуйста, виски ей налейте. Хотя, черт, у нее дома, наверное, нет виски.

– Я привезу, – покладисто сообщил Лаврецкий. Уж с чем-чем, а с виски в его рабочем кабинете проблем не было. – С ментами разберусь, чтобы ее особо не мучили, ситуацию изучу, что можно сделать, прикину. Заодно и про курсы поговорим, раз уж наша встреча не состоялась. Хоть отвлечется от состояния истерики.

– Соня – не истеричка, – с укоризной в голосе сказал Денис. – У нее характер сильный, такой, словно стержень стальной внутри. От такого, что она сейчас увидела, любой расклеится. У нас сосед – кадровый военный, так даже ему не по себе стало, а Сонька ничего, держится. Вы посидите с ней час, не больше, а я, как освобожусь, – приеду.

– Она мне дверь-то откроет? – спросил Феодосий, привыкший просчитывать наперед все возможности. – Может, ей там все-таки плохо стало или еще чего?

– А я вам свои ключи дам, – тут же отозвался Денис. – Вы же все равно меня дождетесь. Позвоните в дверь, если не откроет, то отпирайте смело. Вдруг она там заснула, от обилия впечатлений.

Вот так и получилось, что Феодосий оказался в чужой квартире, где его совсем не ждали. Сначала он, как и положено, несколько раз позвонил в дверь, потом решил не отсвечивать на площадке, куда поднимались три бравых санитара с брезентовыми носилками и черными мешками.

Феодосия совершенно не прельщало увидеть, как из «нехорошей квартиры» выносят найденные трупы, поэтому он достал данные Денисом ключи и вошел.

В квартире шумела вода. Он позвал хозяйку квартиры, которую, как он знал, звали Соней, но она не ответила. Тогда он пошел на звук льющейся воды и зачем-то зашел внутрь ванной комнаты, хотя в здравом уме и твердой памяти вряд ли стал бы так делать.

Уже очутившись внутри, он понял, что совершает глупость, и собрался было ретироваться, потому что женщина за непрозрачной дверцей кабинки шевелилась, и с ней явно все было в порядке.

Ее нужно было подождать снаружи, да еще придумать, как не напугать своим присутствием в квартире, но додумать эту мысль Лаврецкий не успел, потому что дверцы кабинки разъехались, и женщина предстала перед ним, замерла, словно не веря собственным глазам, помахала руками, словно надеясь, что образ Феодосия Лаврецкого развеется в тумане пара, не удержалась на ногах, поскользнувшись на мокром поддоне, упала, мелькнули в воздухе маленькие ступни с аккуратными пальчиками.

Остолбеневший Феодосий отмер, кинулся к ней, зовя по имени, но женщина была без сознания. То ли от удара головой, то ли просто от страха. Это еще предстояло выяснить.

Так что же делать-то, черт подери?

Феодосий огляделся, снял с крючка пушистый махровый халат, набросил на лежащую в душевой кабине женщину и бережно поднял ее на руки. Прошагал по коридору из ванной в гостиную, уложил свою ношу на диван, аккуратно поправил сползший было халат. Сбегал на кухню за водой, немного смущаясь, порыскал по шкафчикам в поисках аптечки и удовлетворенно вздохнул. В этом доме держали нашатырь.

От поднесенной к носу ватки сестра Дениса вздрогнула, поморщилась, открыла глаза, чихнула и села на диване, прижав пушистую махру к груди.

– Вы кто? Вы как здесь очутились?

– Простите, я вас напугал, – покаянно сказал Феодосий. – Но вы не бойтесь, я не злоумышленник. Я начальник вашего брата.

– Что с Денисом? – Теперь в широко распахнутых глазах, небесно-голубых, прозрачных, словно лесное озеро, плескался ужас. Было видно, что за брата она боится больше, чем за себя.

– Все нормально. Он просто не смог к вам поехать, потому что я дал ему срочное и очень важное задание. И он попросил меня убедиться, что с вами все в порядке.

– Вы Феодосий Лаврецкий? – полуутвердительно спросила молодая женщина. – А как вы очутились внутри квартиры? Вы что, профессиональный взломщик?

– Я профессиональный ресторатор. Денис дал мне ключи. Он волновался, что вам могло стать плохо.

– Мне не бывает плохо. – На этих словах она, видимо, осознала, в какой ситуации находится, и смешалась. – То есть раньше мне никогда не бывало плохо. Просто эта ситуация с соседями действительно сильно выбила меня из колеи, а тут еще ваше эффектное появление...

В этом месте она снова сбилась, потому что вспомнила, как предстала перед Феодосием, словно рожденная из пены Афродита. Краска моментально залила ее лицо – лоб, щеки, шея стали пунцовыми, заалели маковым цветом, она оглядела накинутый на себя халат и еще сильнее вцепилась в махровую ткань, как будто ее кто-то отнимал.

– Извините, мне нужно привести себя в порядок.

– Давайте я пока подожду на кухне. Вы переоденетесь, а я заварю вам чай и налью выпить. Денис велел прихватить виски, но я забыл бутылку в машине. У вас есть крепкий алкоголь, или, если вы хотите, я могу сходить вниз.

По лицу этой самой Сони было видно, что больше всего на свете ей хотелось, чтобы он ушел и вообще не возвращался, но она пересилила себя, не дав вырваться словам, которые могли, как она думала, причинить вред ее брату.

– Не надо никуда ходить, – сказала она. – В тумбочке под телевизором есть бутылка коньяка. Тем более что я вообще не уверена, что смогу что-нибудь выпить.

Она перекинула из-за спины прядь мокрых волос, поднесла ее к носу и принялась. Видимо, результат был удовлетворительным, потому что лицо ее немного расслабилось.

– Я вас уверяю, что вы выпьете то, что я вам предложу, – немного самонадеянно сказал Феодосий. – Приходите на кухню, когда будете готовы.

Ее не было минут пятнадцать. За это время он заварил чай, найденный в недрах кухонного шкафа. Чай оказался хорошим, наверняка подаренным братом.

Денис Менделеев обожал хороший чай, прекрасно в нем разбирался и коллекционировал различные сорта, в том числе весьма экзотические. Впрочем, сестра его пристрастия вряд ли разделяла, потому что у нее в шкафчике стояла всего одна пачка чая – впрочем, именно такая, как сейчас было надо – с апельсиновой цедрой, сухими кусочками лимона и имбирем.

Чай Феодосий заварил грамотно. Конечно, до навыков Дениса ему было далеко, но искусству чайных церемоний он обучался на специальных курсах, потому что напиток этот тоже любил. А вот Соня, сушившая сейчас, судя по жужжанию фена, волосы в своей спальне, явно предпочитала кофе. Капсул в шкафчике было великое множество, а на подоконнике стояла мощная и очень дорогая кофемашина, такая же, как у Лаврецкого в офисе.

Когда чай был готов, Феодосий насыпал прямо в заварочный чайничек три чайные ложки сахара (сам он никогда не пил сладкий чай, но сейчас сахар был необходим как лекарство) и влил две полные рюмки коньяка. На пороге послышались шаги, он повернулся – Соня.

Она была одета в светло-голубые джинсы, плотно обтягивающие длинные стройные ноги, и свободный свитер с глубоким вырезом, открывавшим очень много ослепительно-белой, матовой кожи вокруг тонких, очень изящных ключиц. Почему-то при виде этих хрупких, славно птичьих, косточек Феодосия окатило волной нежности.

– Садитесь, – Лаврецкий повелительно кивнул в сторону табуретки у окна, как будто он, а не она был здесь хозяином. – Я сейчас налью вам чаю.

– Я не пью чай. – Соня послушно протиснулась в угол между столом и подоконником. – Я лучше сварю себе кофе.

– Кофе обязательно сварите, но позже. Сейчас вам нужен специальный, практически лечебный напиток. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Вы – врач?

– Я вам уже говорил. Я – ресторатор. Но в своей жизни видел немало людей в шоковых состояниях. Сейчас вам нужен очень крепкий, очень горячий, очень сладкий чай с большой дозой коньяка. Вы выпьете его маленькими глоточками, а потом, если захотите, сварите нам обоим кофе.

Спорить она не стала, то ли признавая его право командовать, то ли просто смирившись с неизбежным. Обхватила поставленную перед ней большую кружку с надписью «Денис» на боку длинными, узкими пальцами, словно грелась. Послушно хлебнула.

– И как?

– Горячо. Сладко. Крепко. Но действительно вкусно.

Он удовлетворенно кивнул. Давно уже никакая похвала не заставляла его испытывать такой восторг.

– Такой чай – лучший способ отпустить внутреннее напряжение, – сказал он доверительно. – Именно такой рецепт очень уважает моя мама. Особенно долгими зимними вечерами, а также тогда, когда, по ее мнению, в жизни происходит слишком много несправедливости. А еще его очень любит моя дочь, правда, без коньяка, разумеется. Ей я заменяю его брусничным сиропом.

– А ваша жена какой чай любит? – спросила Соня и тут же незамедлительно покраснела. Ну, надо же, какая любопытная.

– Из вашего вопроса я делаю вывод, что мой любимый сотрудник, ваш брат Денис Менделеев, не склонен к сплетням, – весело сказал Феодосий, наслаждаясь ее видимым замешательством, – иначе вы были бы совершенно точно в курсе, что два года назад жена от меня сбежала и теперь живет на Мальдивах.

– Странно...

– Что именно? То, что Денис ничего вам не рассказывал?

– Нет, то, что ваша жена живет на Мальдивах. Это как-то пошло, а вы категорически не ассоциируетесь с пошлостью.

– Ну, так и на Мальдивах живу не я. – Феодосий усмехнулся.

– А что касается Дениса, мой брат никогда не обсуждает людей и их приватную жизнь. В этом вы абсолютно правы. Несомненно, я про вас слышала, но он говорил исключительно о деловых моментах, не упоминая о личном. А мне не пришлось в голову спрашивать.

– И что же он про меня вам рассказывал? – Вопрос вырвался раньше, чем Феодосий оценил всю его бестактность.

Не должен взрослый, самостоятельный человек расспрашивать еле знакомую женщину о том, что говорят за его спиной подчиненные. Несolidно это. Некрасиво.

Она чуть заметно улыбнулась, видимо, подумав о том же самом.

– Он говорит, что вы – лучший начальник в мире. Строгий, но справедливый. Он считает, что вы обладаете двумя качествами, которые Денис считает важными для профессионала: вам интересно то, чем вы занимаетесь, и для вас не перестали существовать окружающие люди. Должна согласиться, что в бизнесе это нечасто встречается.

– Вы так хорошо знакомы с миром бизнеса?

– Что вы! Совсем незнакома. Я – книжный червь, который обучает студентов премудростям английской грамматики и предпочитает жить в вымышленном мире английских романов. Но мой отец был бизнесменом, причем весьма успешным. Мне кажется, что он и еще его партнер Сергей Сергеевич Гордеев – были последними по-настоящему порядочными людьми. Папа гордился тем, что никогда в жизни никого не кинул. А Сергей Сергеевич, когда папы не стало, сначала очень помогал нам с мамой, а потом, когда она ушла к папе, потому что не могла без него жить, выкупил его долю, честно расплатившись со мной и с Денисом. Это позволило мне получить образование, и я до сих пор страшно ему благодарна. Но от своих знакомых я знаю, что такое поведение сейчас не в моде. Кинуть партнера, выжать соки из сотрудников, недоплатить, обмануть – это все сейчас норма, к сожалению.

– Бывает по-всякому. – Феодосий пожал плечами. – Там, где деньги, как правило, действительно не находится места морали. Хотя так живут не все. И в нашем городе я могу назвать вам десятка два крупных бизнесменов, умудрившихся остаться людьми. Надеюсь, я вхожу в их число.

Соня снова хлебнула из кружки, потом зачем-то посмотрела в нее, словно оценивая, и в два глотка допила остатки.

– Спасибо за напиток, но я все-таки сварю кофе. Вы будете?

От кофе у Феодосия делалась изжога, причем такая сильная, что он всерьез опасался, что черный, как смоль, напиток прожжет в желудке дырку. Но отказываться он отчего-то не стал.

Наоборот, присел за стол напротив хозяйки, которая, впрочем, тут же вскочила и захлопотала у своей чудо-машины.

Спустя пять минут Соня поставила перед ним очень красивую кофейную чашечку. «Прага» было написано на ней по-английски. Снова села напротив, со своей чашкой в руках. На ней красовалось слово «Берлин».

– Вы коллекционируете кофейные чашки? – спросил Феодосий зачем-то. – Привозите из путешествий?

– Я почти нигде за границей не была, – призналась Соня. – То есть в Турции, конечно, была. В Египте. Но это же поездки на море, а не настоящие путешествия. А на них у меня денег не хватает. Точнее, хватало бы, но я так привыкла экономить, что мне трудно разбрасываться деньгами на удовольствия. В Англии я, конечно, была. Детей в языковой лагерь возила, но это по работе, то есть не считается. Да и не с кем мне путешествовать. У подруг семьи, дети, свои планы, зарплаты еще меньше, чем у меня, в общем, не получается. А чашки... Это Денис мне привозит. Он как раз очень любит путешествовать.

Совершенно неожиданно Феодосий пообещал самому себе, что обязательно свозит эту женщину в Прагу. И в Берлин тоже свозит. И в Англию, чтобы без чужих детей и не для работы. Они будут гулять по старинным улочкам, пить в кофейнях ее дурацкий кофе, заходить в музеи, кататься на корабликах и...

Дальнейшие его внезапные мечты были безжалостно прерваны Соней:

– Итак, о чем вы хотели со мной поговорить?

Теперь настала его очередь уставиться на нее непонимающе.

– Я сегодня должна была прийти к вам на встречу, чтобы договориться о курсах английского для ваших работников. Давайте обсудим это сейчас, если вы не против.

– Не против, – вздохнул Феодосий. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось думать о работе.

Раздался звонок в дверь, и Соня пошла открывать. Приехал Денис, налил себе из заварочного чайника приготовленного шефом чаю, разбавил кипятком, понюхал, блаженно зажмурившись.

– Умеете вы чай заваривать, ничего не скажешь. Рассказать, как прошли переговоры? Какое меню в итоге составили?

– Завтра на работе расскажешь, – буркнул Феодосий. Денис покосился на него изумленно, не понимая, чем вызвано внезапное равнодушие начальника. Тот надул еще сильнее, понимая, что приход Менделеева разрушил хрупкое очарование момента и что сам он выглядит полным идиотом. – Давай сейчас с Соней насчет курсов поговорим.

– Давайте, – кивнул Денис. – Я просто думал, что вы уже все обсудили. А потом Сонька расскажет нам, что тут приключилось. Расскажешь, Сонь?

Феодосию захотелось дать парню хорошую затрещину, потому что порозовевшее и ослабившееся было лицо Сони снова побледнело и закаменело при воспоминаниях о пережитом ею ужасе.

– Расскажу, – впрочем, тут же сказала она решительным тоном. – Здорово, что вы оба сможете меня выслушать. Нам надо понять, что теперь делать, потому что, судя по всему, наших, Денис, соседей убили.

* * *

В институте сегодня было всего две пары, причем одна из них физкультура. Поэтому, немного поразмыслив, Настя решила в институт не ездить. Сессии она сдавала на одних пятерках, да еще и работала по специальности, поэтому на ее прогулы в деканате смотрели

сквозь пальцы. Некоторых однокурсников «особое» Настино положение бесило, но на дебилов, способных беситься от зависти, она внимания не обращала. Вот еще чего не хватало.

В адвокатской конторе ей вчера дали довольно серьезное задание – разобраться с нестыковками в свидетельских показаниях стороны обвинения и составить подробную таблицу с перечнем того, на что мог опереться адвокат Ветлицкий в своей дальнейшей работе.

Поручение такого уровня ей доверили впервые, поэтому подойти к нему требовалось со всей ответственностью. Во-первых, невозможно даже представить, что по ее вине Ветлицкий может затянуть дело (провалить его он не мог ни при каких обстоятельствах), а во-вторых, показать себя исполнительным и ответственным сотрудником никогда не лишнее.

Папку с копиями дела Настя унесла домой еще вчера и, вернувшись с курсов английского языка, читала их до глубокой ночи. Сегодня же она позволила себе хорошенечко выспаться, чтобы потом, на свежую голову, поехать в контору и составить искомую таблицу, стараясь не пропустить ничего важного.

В первом приближении Настя уже знала, что именно будет делать, на что обратить внимание, а во что «вопьется» поглубже. Читая, она делала пометки на полях, и теперь уже отложившуюся в голове информацию требовалось просто систематизировать.

В офис Ветлицкого она приехала в районе одиннадцати утра, уселась за выделенный ей компьютер и погрузилась в работу. Еще со школы Настя выработала в себе полезное качество – занимаясь каким-то делом, она полностью отрешалась от окружающего мира: не слышала разговоры вокруг, не отвлекалась на музыку, не залезала в соцсети, не обращала внимания на чаты в мессенджерах. Все это могло подождать.

Вернуть ее в реальность можно было только телефонным звонком, потому что Настя давала своему подсознанию подобную установку. Раз кто-то позвонил, значит, вопрос действительно важный. Неважные звонки, конечно, были, но их Настя просто скидывала, снабжая коротким сообщением «Перезвоню позже». Но сейчас звонила мама, и трубку Настя взяла.

Не склонная к излишним сантиментам, Инесса Перцева никогда не отвлекалась от работы сама и не отвлекала дочь в течение дня. Телефон существовал для экстренных случаев, все остальное вполне могло подождать до вечера, когда семья встречалась за кухонным столом. Но сейчас мама звонила, значит, ситуация того стоила.

– Да, мам, – сказала Настя, оглянувшись по сторонам, не слишком ли громко она говорит. Статус «маменькиной дочки» был чреват неизбежными вопросами, а кто у тебя мама, а именно этого Настя целенаправленно избегала. – Что-то случилось?

– У тебя есть телефон твоей преподавательницы английского? Той самой, которой я вчера о приезде на адрес оперативной бригады договаривалась? – Мама по привычке сразу брала быка за рога, не отвлекаясь на ненужные детали.

– Софьи Михайловны? Есть, конечно, а зачем она тебе?

– Комментарий для статьи хочу взять. У нее в соседней квартире два часа назад два мумифицированных трупа нашли. Они там около года пролежали, представляешь?

– То есть она не зря панику подняла? – удивилась Настя.

Если честно, вчера страхи своей преподавательницы она посчитала надуманными, просто отказывать ей в пустячной для мамы просьбе не хотелось.

– Еще как не зря. У учительницы твоей острый нюх и чуйка на неприятности, – мама в трубке засмеялась. – Я так-то уже все узнала, но нужен комментарий очевидца, а Софья твоя еще и понятой при осмотре была.

Настя представила картину, свидетельницей которой стала Софья Михайловна, и внутренне содрогнулась. Такого и врагу не пожелаешь. Ей казалось неудобным возвращать молодую женщину в воспоминания о кошмаре, задавая ей вопросы, но она точно знала, что маму такие этические тонкости никогда не волновали. Она – репортер от бога. Ее талант – добывать

информацию, а потому отговаривать ее от звонка бессмысленно. Да и телефон она достанет без Насти. Потратит на двадцать минут больше времени, но достанет.

– Записывай, – обреченно сказала Настя.

Впрочем, вернувшись обратно в свои дела, она тут же про звонок матери забыла. Софью Михайловну ей было, конечно, жалко, но история эта вполне могла потерпеть, в отличие от материалов уголовного дела, сейчас лежащих на столе.

Настя прикинула объем оставшейся работы. Часа два, не меньше. Посмотрела, сколько времени. Без десяти пять. По всему выходило, что часов до семи, максимум полвосьмого, она закончит свою справку и успеет отдать ее Ветлицкому, пока тот не ушел с работы. Шеф был совой, на работу, если не было заседаний в суде, приходил к полудню и засиживался до восьми. Ему так было удобно, и со странным графиком работы никто не спорил. Тираном Ветлицкий не был, в семейные обстоятельства сотрудников вникал, переработки не приветствовал, а если они случались, платил за это щедро. В общем, никто не жаловался.

Настя снова погрузилась в работу, чтобы успеть к установленному собой же сроку. В семь двадцать ее справка была закончена и безукоризненно оформлена. Девушка в последний раз проверила ошибки, послала документ на печать, аккуратно скрепила листы степлером и еще с минуту полюбовалась на результат своих трудов. Да, такое не стыдно нести шефу.

Выскочив из кабинета, она вихрем пролетела по коридору и ворвалась в приемную Ветлицкого, где по причине позднего времени уже не было секретарши, а дверь в кабинет была открыта.

– Аркадий Борисыч, можно?

Известный адвокат оторвался от компьютерного монитора, на котором что-то увлеченно читал.

– Да, Настюш, заходи. Ты чего тут так поздно?

– Задание ваше выполняла. Вот. – Она протянула бумаги, страшно гордая собой.

– М-м-м. – Он, не глядя, протянул руку, шлепнул пачку листов на стол, дочитывая что-то, по всей видимости, очень интересное. – Вот сколько лет знаю твою мать, а каждый раз не перестаю удивляться силе ее таланта. Такие статьи пишет, что не оторваться. И это мне-то, человеку, пресыщенному преступлениями. Представляю, как обычные обыватели взахлеб ее творения читают.

Если бы у Насти разверзлась бездна под ногами, она, наверное, и то остолбенела бы меньше.

– Вы что, знаете, кто моя мать? – спросила она, пытаясь собраться с мыслями.

Голос дрожал и самой ей показался тонким и каким-то жалким.

– Конечно. Кто в нашем городе не знает знаменитую Инессу Перцеву? Да еще в наших кругах. А что?

– Да нет, ничего, – уныло сказала Настя.

Все ее мечты о самостоятельности летели в тартарары. Какая же она была наивная дура, считая, что Ветлицкий взял ее на работу, плененный ее умом и сообразительностью. Надо было сразу догадаться, что без маминых связей не обошлось. Дура, вот ведь какая она дура. Нет, надо уезжать из города, чтобы не чувствовать на себе вечного клейма «дочери Инессы Перцевой».

– Так, – Ветлицкий наконец закончил чтение, снова повернулся к Насте, взял принесенные ею бумаги. – Давай посмотрим, что ты тут наваяла. Так, хорошо. Ага. Очень хорошо. М-м-м-м, просто великолепно. Поздравляю тебя, Настенька, ты прекрасно справились с поставленной задачей. В этом деле есть девять зацепок, которые можно использовать в процессе, чтобы развалить обвинение. Ты нашла семь. Для первого раза просто отличный результат. Молодец.

– Как девять? – спросила сбитая с толку Настя. – Вы что, получается, уже сами сделали эту работу? А я зачем тогда сутки убила?

– Затем, чтобы потренироваться. – Ветлицкий отложил бумаги и смотрел на девушку с веселым изумлением. – Душа моя, или ты думала, что я реально возложу на тебя поиск обстоятельств, которые позволят конторе заработать три миллиона рублей? Конечно, я все проработал сам, а тебе поручил найти решение, чтобы ты могла потренироваться. Еще раз повторяюсь, что справилась ты отлично. Вот, возьми мою таблицу, посмотри, какие два момента ты не заметила.

Настя схватила бумаги и опрометью выскочила в коридор. Ее душили слезы. И не расскажешь же никому. Только, пожалуй, Глашке.

Восемнадцатилетняя Аглая обладала удивительным качеством – умела слушать. Ее внимание было ненавязчивым, интерес искренним. Да, она позвонит Аглае Молчанской, встретится с ней где-нибудь неподалеку, да хотя бы в ресторане «Буррата», и выплачется всласть. Не маме же плакать. Та, мало того что не поймет, так еще и на смех поднимет. Нет, надо встретиться с Глашкой, и они вместе придумают, как Насте преодолеть свое «родовое проклятие».

Подруга, услышав Настин голос, в котором дрожали только что пролитые слезы, согласилась приехать без разговоров. Не прошло и получаса, как девушки заняли столик в углу ресторана «Буррата», где по причине рабочего дня народу было не так много. По крайней мере, поговорить спокойно другие посетители не мешали.

Выслушав Настин рассказ, несмотря на сильное волнение, не сбивчивый, а логичный и четкий (мама в таких случаях всегда говорила фразу «Штирлиц славится формализмом и логикой»), Аглая на пару минут задумалась. Несмотря на юный возраст, девицей она тоже была серьезной и обстоятельной.

– Ты должна сделать что-то такое, чтобы все, и в первую очередь твоя мама, поняли, что ты уже не ребенок, а человек, способный на серьезные поступки и решительные действия, – наконец изрекла она.

– И что же такое я должна сделать? – горько спросила Настя. – Я и так школу окончила с золотой медалью. На юрфак поступила на бюджет, учусь лучше всех на курсе, работаю, вон, из девяти оснований для разваливания обвинения семь нашла без посторонней помощи и подсказки, а все равно это никому не нужно, потому что мне не доверяют, считая неопытным ребенком и маминой дочкой. Вот мама у меня молодец, такие статьи пишет, что от экрана монитора не оторваться даже такому искушенному человеку, как Ветлицкий, а я сутки псу под хвост отправила, потому что и без моих трудов все всем ясно.

Слезы снова подступили к горлу, и, чтобы не разреветься, Настя решила отвлечься на менее обидную тему.

– Ладно, чего про это говорить, все равно ничего не придумаем. Уеду я, наверное, вот окончу институт и уеду в Москву. Там про мою знаменитейшую маму никто не знает. Ты лучше прикинь, о чем она последнюю статью написала. Ту самую, которой шеф неотрывно читал. О нашей Софье Михайловне.

– Да ну, – не поверила Аглая. – О Менделеевой? Ты хочешь сказать, что она в криминальную хронику попала? Что же она такого натворить-то могла?

– Она-то ничего. – Несмотря на плохое настроение, Настя улыбнулась, представив их правильную до невозможности преподавательницу. – Помнишь, она вчера попросила меня через маму ей помочь полицию вызвать. Мол, соседей давно не видно, и из их квартиры запах идет? Аглая кивнула, что да, помнит.

– Ну так оказалось, что этих соседей кто-то убил. Причем давно, чуть ли не год назад. Там в квартире уже мумии вместо тел нашли, а наша Софья их опознавала.

– Ужас какой, – Аглая передернула точеными девичьими плечами, – бедная. Не хотела бы я на ее месте оказаться.

– Это-то да, но мне, как юристу, ужасно интересно, как полиция собирается убийц искать спустя год? Это же никто из возможных свидетелей наверняка ничего не помнит. Да и соби-

раются ли. И вообще, кому были нужны два безобидных пенсионера, один из которых к тому же умственно отсталый?

Глаша молчала, как будто напряженно что-то обдумывая. Настя потрясла растопыренной ладошкой у нее перед лицом.

– Але, гараж, ты чего зависла?

Подруга отмерла, словно в детской игре про морскую фигуру, которая замирала и отмирала по команде, посмотрела на Настю, глаза ее возбужденно блеснули.

– Вот что, – сказала она не терпящим возражений голосом, – я точно знаю, что тебе надо сделать, чтобы с тобой стали считаться. Тебе надо самой расследовать это преступление и найти убийцу.

Настя с сомнением посмотрела на нее и, не выдержав, засмеялась:

– Глашка, ты что, перегрелась или креветок переела? Как я могу расследовать убийство годовалой давности, да еще одна. И под носом у полиции.

– Ничего я не объелась, – сердито насупилась Глаша, она терпеть не могла, когда над ней насмехались. – Ты сама сказала, что полиции этот старый всяк сто лет не нужен, как и пенсионеры эти. Кому до них дело есть? Они что, чиновники, депутаты, политики или бизнесмены известные? Они никто, поэтому землю рыть никто не будет. А в плане, как вести расследование, это уж ты сама решаешь. Кто у нас юрист – ты или я? Ты мне сама рассказывала, как твоя мама журналистские расследования проводит. Встречается с людьми, вопросы задает, ответы сопоставляет. Вот этим и займись. Пройди по квартирам, с соседями поговори. Да для начала с самой же Софьей.

– А что я им скажу? Почему я всем этим занимаюсь? – Против своей воли Настя чувствовала, что где-то глубоко внутри в ней зарождается азарт. Ей вдруг стало очень интересно действительно в одиночку найти разгадку этой странной тайны.

– Балда. – Аглая смотрела снисходительно, как будто это она была в их тандеме старшей. – У тебя же удостоверение есть, которое тебе твой Ветлицкий выдал. Будешь представляться сотрудником адвокатской конторы. Если кто-то спросит, туманно намекнешь, что есть некий человек, который подписал с вами договор. Но никто ничего не спросит. Людям на все наплевать. Уж поверь мне. Зато, когда ты найдешь убийцу, все поймут, чего ты на самом деле стоишь. Поняла?

– Поняла, – сказала Настя, и глаза ее заблестели. – Какая же ты молодец, Глашка. Это ты замечательно придумала. Только, чур, будешь мне помогать.

Глава третья

Сонину квартиру брат и его шеф покинули около семи часов вечера. Сначала разговаривали о будущей работе английских курсов в компании, потом гости пили чай, а Соня, разумеется, кофе. Затем как-то незаметно начали обсуждать современное искусство и даже поспорили немного, хоть и не до драки. После Феодосий Лаврецкий заварил свежего чаю себе и Денису, а Соня снова сварила кофе.

Они сидели бы и дальше, но Денису нужно было в ресторан – сегодня у него была вечерняя смена, а у его начальника не было никаких оснований оставаться.

После их ухода Соня вымыла чашки, переделась в спальне в уютный мягкий махровый халат, невольно покраснела при воспоминании, как лежала голая на диване под этим самым халатом, укрытая заботливыми руками постороннего мужчины. Решила, что волноваться по поводу того, что уже произошло, глупо, тем более что все ее дальнейшие встречи с Лаврецким могли происходить только в виде случайных столкновений в коридоре его компании. Не его полета она птица.

Халат был привычным способом утешения, когда оно требовалось, конечно. В его пушистой махре было уютно прятаться от жизненного несовершенства, и это было именно то, в чем сейчас отчаянно нуждалась Соня.

За разговорами она было начала забывать об ужасах сегодняшнего дня, но сейчас, когда она осталась одна, непонятный страх поднимался изнутри, щекотал ноздри навязчивым запахом, который, как казалось Соне, проникал с лестничной клетки, просачиваясь через двери.

Господи, сможет ли она когда-нибудь забыть то, что видела сегодня в квартире напротив?

Перед глазами, как на грех, вставала картина, как она опасливо переступает порог, как расстилается перед ней длинный, кажущийся бесконечным коридор с книжными стеллажами, как она идет на раздающиеся откуда-то издали голоса, делает шаг, второй, третий, отворачивается от распахнутой двери в кухню, но все-таки невольно заглядывает в гостиную, как хватается за книжные полки, чтобы не упасть, как едут скользкие пальцы по корешкам пыльных книг, как в руках остается прохладная коленкоровая обложка...

Тетрадь, она же зачем-то притащила из квартиры Галактионовых общую тетрадь. Где же она? Куда она делась?

Соня вскочила с дивана, на который забралась с ногами, потому что босые ноги отчего-то мерзли, хотя в квартире было тепло. Не надевая тапочек, сбегала в прихожую. Тетради там не было. Затем в кухню, потом в ванную. Там в тазу с разведенным стиральным порошком отмокала одежда, в которой Соня ходила в соседскую квартиру. Где же тетрадь?

Соня успела было подумать, что ее зачем-то прихватил Феодосий Лаврецкий, и тут вспомнила, что своими руками бросила тетрадку на балкон, словно та была заражена спорами ядовитого растения или выпускала опасные для здоровья миазмы. Почему-то посмотреть, что там внутри, казалось сейчас Соне очень важным, поэтому все так же босиком она рванула балконную дверь, выскочила наружу, чувствуя, как проникающий через ноги холод опутывает ее ледяным коконом, увидела лежащую на полу, рядом с выстиранным ковриком тетрадь, наклонилась и не смогла себя заставить взять ее в руки.

Гадливость поднималась внутри, снова вызывая в памяти отвратительный запах.

Соня сбегала за резиновыми перчатками, которые хранились в ящике кухонного стола, натянула их на руки и открыла тетрадь, к ее счастью, на самом деле ничем не пахнущую. На первой странице не было ничего, кроме короткого четверостишия, видимо, эпиграфа.

Мой ангел, наклоняясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,

Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».

Соня узнала строки из стихотворения Уильяма Блейка и удивилась. По ее мнению, никто из Галактионовых не мог знать знаменитого английского поэта, художника и гравера, но тем не менее факт оставался фактом. Она перевернула страницу.

«Личный дневник Александра Галактионова» было написано там четким, очень уверенным почерком, и Соня от изумления подавилась воздухом и закашлялась. Она была уверена, что Санек, умственно отсталый мальчик из ее детства, не умеет ни читать, ни тем более писать. Однако он умел и даже вел свой собственный дневник, который открывал цитатой из Блейка.

Под надписью обычным карандашом был нарисован портрет самого Санька, очень похожий, надо признать.

Соня вспомнила, что в детстве он все время рисовал, причем очень здорово. С годами этот навык не пропал, а, наоборот, развился, да еще как. Она снова вернулась на страницу назад и снова перечитала эпиграф. Похоже, исполненным радости и веселья существом, которому ангел приказал жить, но не ожидать ни от кого помощи, был сам Санек – родившийся ментальным инвалидом мальчик, запертый из-за болезни в собственной квартире, вынужденный ограничить свое общение только с родителями да еще с книгами, которых в доме Галактионовых было так много.

Она вспомнила, как в детстве они с друзьями собирались на детской площадке во дворе. К ним часто подходил застенчивый Санек, пытавшийся проявить дружелюбие. Но общаться с ним соглашались только Соня и Денис. Остальные мальчишки и девчонки насмехались над неполноценным сверстником, обзывали и даже толкали его. Особенно агрессивен был Арсений из соседнего подъезда. Было такое чувство, что он просто ненавидит Санька. За его открытость, ранимость, инаковость, что ли...

Соня впервые в жизни подумала, что должен был чувствовать маленький мальчик, так открыто презираемый сверстниками. Что должны были чувствовать его родители. Ей стало так стыдно, что она даже уронила на колени тетрадь и схватилась резиновыми ладонями за загоревшиеся щеки. Ну, почему, почему никогда раньше она про это не думала?

Этот больной мальчик, о существовании которого все предпочитали не знать, оказывается, умел читать и понимать красоту стихов, талантливо рисовал, а также проводил параллели между прочитанным и своей безрадостной жизнью. Какой ужас!

Соня сорвала с рук перчатки, потому что ей теперь казалось святотатством прикасаться к тетради через холодную равнодушную резину, пачкая страницы тальком. Перевернула еще одну страницу, и еще, и еще. Практически везде были автопортреты Санька. На одних рисунках он строго смотрел со страницы, на других был запечатлен сидящим у окна и печально смотрящим наружу, туда, где протекала без него нормальная, обычная, полная приключений жизнь.

Еще Санек рисовал то, что видел из окна. Своего отца, несущего авоську, из которой торчал пакет молока и буханка черного хлеба. Кошку, умывающуюся лапой посередине двора. Соседа, выгуливающего собаку – большого палевого лабрадора. Спеша к первой паре, Соня часто встречала их на улице – высокого мужика средних лет в резиновых сапогах в любое время года и бело-синей куртке с капюшоном и крупного пса с очень умными глазами. И сосед, и собака на рисунке, выполненном простым графитовым карандашом, выглядели как живые.

В дневнике был и рисунок, сделанный во время новогоднего праздника, который года два назад организовали в их дворе для живущей здесь малышни. Переливающаяся огнями елка была здесь, Дед Мороз со Снегурочкой, хоровод тепло одетых детей, столы, накрытые пирогами и конфетами. Соня тогда на праздник не ходила, но в окно тоже наблюдала, ей было интересно, да и Денис принимал непосредственное участие в организации мероприятия. Пироги были его рук делом.

Зарисовки с праздника занимали в тетради несколько страниц, и под последней тоже каллиграфическим почерком было написано стихотворение. И снова Блейк.

Радость, скорбь – узора два
В тонких тканях божества.
Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.
Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.
Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.
Помни это, не забудь –
И пройдешь свой долгий путь.

Похоже, молодому человеку было грустно наблюдать за весельем других. Весельем, в котором он никак не мог принять участие, и он утешал себя стихами любимого поэта.

«Можно в скорби проследить счастья шелковую нить...»

Соне снова стало стыдно, что, живя в квартире напротив больше тридцати лет, она так мало интересовалась тем, как проходят дни ее соседей. А ведь так мало стоила бы ей привычка раз в неделю забегать к Саньку и разговаривать с ним хотя бы недолго.

Она перевернула еще одну страницу и застыла, потому что там был нарисован ее портрет. Ее двойник, прорисованный до фотографической точности, с таким же непослушным завитком волос на виске, который ей приходилось то и дело заправлять за ухо, но он непокорно вылезал снова. Даже жест, которым она нетерпеливо заправляла прядь волос, казалось, был виден на этой странице. Ловкое, едва заметное движение пальцев... Голубизна глаз... Казалось, без цветных карандашей передать ее было бы невозможно, но у Санька получилось. Длинная шея в вырезе футболки – рисунок был сделан летом, когда Соня шла от машины к подъезду, и его сопровождало стихотворение, словно подтверждая, что художник был крайне высокого мнения о своей «модели».

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста – наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стоит любви и забот.

Ну да, разумеется, Уильям Блейк.

Соня любила творчество поэта, хотя, вслед за своим научным руководителем, профессором Ровенским, специализировалась на творчестве Шекспира, и кандидатскую диссертацию защищала по нему же. Если бы у нее был выбор, то она с удовольствием изучала бы творчество

именно Блейка, но подобное предложение, робко высказанное вслух сразу после поступления в аспирантуру, было отмечено Ровенским с таким жаром, что настаивать Соня не посмела.

Благообразный и обычно весьма политкорректный профессор чуть ли не слюной брызгал, услышав фамилию Блейка. Соне это показалось странным, но, немного подумав, она решила, что в старом профессоре бушует ревность к его собственному научному руководителю, профессору Свешникову, который всю свою жизнь посвятил именно научным исследованиям творчества и жизни Блейка. Несмотря на то что Свешникова уже не было в живых, Ровенский, видимо, не мог простить былой славы знаменитого профессора, до уровня которого никак не мог дорасти, как ни пытался.

Свешников долго жил и работал в Великобритании, считаясь мировой знаменитостью во всем, что касалось Блейка, а Ровенский, хоть и ездил по миру с докладами и признавался шекспироведами как добротный ученый, тем не менее славы Свешникова так и не снискал.

Да, скорее всего он просто ревновал, что его аспирантка может предпочесть тему, на которой специализировался Свешников, тему, на которую положил жизнь Ровенский. Ей самой ревность и зависть, даже научные, были абсолютно чужды, но право других людей на демонов в их душе она признавала. Так как тема диссертации для нее самой вообще никакого значения не имела, ей было одинаково интересно заниматься любыми филологическими изысканиями, она охотно взялась за Шекспира, и больше они с Ровенским никогда к этому вопросу не возвращались.

И вот Уильям Блейк неожиданно настиг ее спустя столько лет. Настиг стихами в тетрадке соседа с отклонениями в ментальном развитии. Ну надо же, как интересно устроен мир. Никто и никогда не признавался ей в любви стихами Блейка. А вот Санек признался, пусть и после своей страшной смерти. А все-таки интересно, кто и за что убил отца и сына Галактионовых?

Соня зачем-то снова вернулась к началу тетради, пытаясь понять систему, по которой ее необычный сосед вел свои записи. На самом первом автопортрете Санек был уже взрослый. Значит, тетрадь он начал вести недавно. Хотя вполне возможно, что она была не первая. Где-то в недрах квартиры оставались и другие, которые мальчик мог заполнять еще в детстве. Но теперь ведь не узнаешь. Квартира опечатана полицией, да и снова очутиться в ней Соня отказалась бы даже под страхом собственной смерти.

Помимо нескольких автопортретов в тетради было много рисунков с видами из окна, которые показывали четкое чередование времен года. Вот зарисовка с новогоднего праздника двухлетней давности. Ее портрет сделан летом, полтора года назад. Нет, не часто Санек обращался к своему дневнику. Совсем не часто, хотя и регулярно.

Соня отложила тетрадь и пошла на кухню – сварить кофе. Просмотренные стихи и картинки вызвали в ней целую бурю чувств, причем такую сложную, что ей было трудно разобраться в сумятице своих мыслей. Жалость, горечь, стыд, сожаление... Это понятно. Но было что-то еще. Не любопытство, нет.

Несмотря на то что Соня фактически читала чужой дневник, ей совсем не было стыдно. Чувства, что она подсматривает в замочную скважину, не возникало. Пожалуй, то, что она испытывала, можно было назвать стремлением приоткрыть завесу тайны. Над чем? Какой? Соня не знала, но была уверена, что в необычной тетради спрятана разгадка смерти отца и сына Галактионовых.

С чашкой кофе в руках она вернулась в гостиную и снова взяла тетрадь. Открытая все на той же странице с Сониным портретом – фактическим признанием в любви, – она манила и страшила одновременно. Кто знает, что там дальше.

Трусливо откладывая конец блаженного неведения, Соня не спеша допила кофе, отставила чашку и перелистнула страницу. И еще одну. И еще. Примерно на двадцати листах, обычных тетрадных листах в клеточку, была она, Соня. Складывалось чувство, что чуть больше года тому назад Саша Галактионов был просто одержим ею, своей соседкой, за которой следил

из окна. И, кажется, еще в дверной глазок. По крайней мере, некоторые рисунки были сделаны именно с такого ракурса, и на них Соня копалась в сумке, доставая ключи, отпирала дверь, наоборот, выходила из квартиры, хмурая и сосредоточенная, видимо, утром.

Одни рисунки, судя по одежде, были летними, другие изображали Соню в осеннем пальто из валеной шерсти. Его Денис привез сестре из Франции, и она этим пальто страшно гордилась и очень его любила. Соня в зимнем пуховике и шапке с помпоном. Соня, укутанная шарфом по самые уши. Простуженная Соня с красным носом и слезящимися глазами. Да, точно, в прошлом феврале она сильно простудилась и долго вылезала из болячек, тем не менее продолжая ходить на работу.

«Простуженный» портрет был последним, нарисованным через «дверной глазок». Потом Санек опять рассматривал ее из окна.

Соня немного напряглась и вспомнила, что, пожалуй, именно в начале прошлой весны Борис Авенирович Галактионов начал устраивать соседям скандал, что они залепляют ему глазок жвачкой. Тогда это казалось Соне, да и всем остальным в подъезде бредом не совсем адекватного человека. Но сейчас Соня задумалась над тем, почему Санек перестал смотреть на Соню через дверь. Надоело, а для отца он придумал, что глазок «не работает»? Но ведь скандалил старший Галактионов, который, зная об особенностях сына, должен был проверить его слова. Получается, что глазок действительно кто-то закрывал? Но зачем?

Сонина голова напряженно работала. Больше всего на свете ей хотелось сейчас показать тетрадь кому-нибудь еще. Например, Денису. Или его боссу, Феодосию Лаврецкому. У того были очень умные живые глаза, и Соне отчего-то казалось, что вдвоем с ее братом они точно во всем разберутся.

Она посмотрела на часы. Начало двенадцатого ночи. Денис сейчас заканчивает свою смену. Он устал, хочет домой и спать. А Лаврецкому звонить и вовсе неприлично, да и телефона своего он Соне не давал. Пожалуй, придется потерпеть до завтра. Впрочем, понравится ли Дениске, что полоумный сосед на протяжении длительного времени подсматривал за его сестрой? Во всем, что касалось Сони, Денис был ужасно щепетилен. Впрочем, Саньку его ярость уже не могла ничем помешать.

Вздохнув, она перевернула следующий лист и уже в который раз подпрыгнула от неожиданности. С тетрадной страницы на нее смотрело лицо профессора Ровенского. Было в выражении этого лица что-то суровое и очень неприятное. По крайней мере, таким Соня профессора никогда не видела. Рисунок сопровождался стихотворением:

В ярость друг меня привел – гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес – я молчал, но гнев мой рос.
Я таил его в тиши в глубине своей души,
То слезами поливал, то улыбкой согревал.
Рос он ночью, рос он днем. Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно. Знал мой недруг, чье оно.
Темной ночью в тишине он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим, ядом скованный моим.

Это было одно из самых знаменитых стихотворений Блейка, но сейчас эти строки казались Соне отчего-то зловещими. Получается, что Саша Галактионов считал Ровенского врагом? Или он был врагом его отца, Галактионова-старшего? Но почему? Что связывало Сониного научного руководителя с ее соседями? Если они были знакомы, то почему за столько лет она ни разу не видела, чтобы Николай Модестович приходил к Галактионовым в гости? Но раз Санек его нарисовал, значит, все-таки приходил и, судя по одежде на рисунке, примерно весной прошлого года. Эту куртку с бархатными вставками Ровенский привез из Лондона, куда

ездил (Соня в уме повспоминала даты), точно, в апреле прошлого года. И примерно тогда же, в апреле, она видела Бориса Авенировича и Санька в последний раз, когда они возвращались из магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.